

ТОМЕК

и таинственное путешествие

АЛЬФРЕД ШКЛЯРСКИЙ

Иллюстрации Владимира Канивца

Альфред Шклярский
Томек и таинственное
путешествие
Серия «Мир приключений
(иллюстрированный)»
Серия «Приключения Томека
Вильмовского», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123330

*Томек и таинственное путешествие: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб;
2023*

ISBN 978-5-389-23469-7

Аннотация

В семье Карских произошла беда: двоюродного брата Томека арестовали и сослали в Сибирь. И чтобы спасти его, Томек в компании Вильмовского-старшего и своих верных друзей – боцмана Новицкого и зверолова Яна Смуги – отправляется в Россию. Юноша многим обязан Карским, которые после смерти матери Томека и побега его отца за границу заменили мальчику родителей. Однако на этот раз экспедиция может стоить путешественникам свободы и даже жизни, ведь к ним в качестве наблюдателя приставлен агент царской полиции. Удастся

ли друзьям освободить ссыльного и самим не угодить в лапы властей? Сердце Томека полно сомнений, но, если есть хоть малейший шанс спасти брата, отважный юноша пойдет до конца!

На историях о бесстрашном Томеке Вильмовском, вышедших из-под пера польского писателя Альфреда Шклярского, выросло не одно поколение юных любителей книг. Перед вами пятый роман из этого цикла – «Томек и таинственное путешествие», перевод которого был заново выверен и дополнен интересными и познавательными научно-популярными справками. Замечательные иллюстрации к книге создал художник Владимир Канивец.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

I	9
II	32
III	52
IV	70
V	100
VI	118
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Альфред Шклярский
Томек и таинственное
путешествие

Alfred Szklarski

TAJEMNICZA WYPRAWA TOMKA

Copyright © by MUZA SA, 1991, 2007, 2018

All rights reserved

Перевод с польского Евгения Шпака

Комментарии и примечания Ольги Куликовой

Иллюстрации Владимира Канивца

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

© Шпак Е., перевод на русский язык, 2002

© Примечания, комментарии. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

ЦИКЛ РОМАНОВ О ТОМЕКЕ ВИЛЬМОВСКОМ

Томек в стране кенгуру

Томек на Черном континенте

Томек на тропе войны

Томек ищет снежного человека

Томек и таинственное путешествие

Томек среди охотников за человеческими головами

Томек у истоков Амазонки

Томек в Гран-Чако

Томек в стране фараонов

I

В тайге

Над широкими просторами русской части Дальнего Востока светало. На небосклоне медленно гасли звезды, и в сером полумраке клубился предрассветный туман. Вот лучи восходящего солнца коснулись округлых горных вершин, пробежали по склонам, поросшим лесом, и на всем пространстве тайги настал новый день.

Мягкий туман, обволакивавший девственный лес, постепенно рассеивался, и перед взором наблюдателя открывались удивительные подробности пейзажа. Растительность, присущая северной тайге, соседствовала здесь с породами смешанных лесов Китая и Индии. По стволам аянских елей¹ вились ветви дикого винограда; рядом с белыми березами и сибирскими кедрами росли амурские пробковые деревья, маньчжурский орех и кусты аралии со стеблями, покрытыми шипами. Повсюду вокруг в небо вздымались вершины столетних кедров, золотисто-зеленой даурской лиственницы, белокорых пихт, среди которых пробивалась светлая зелень амурских лип, вязов, грабов, дубов и кленов.

Солнечные лучи все глубже и глубже проникали во влажную чащобу приамурской тайги, где протоптанные оленями

¹ Аянские ели – вид елей, распространенных на Дальнем Востоке.

стёжки пересекаются с тропами тигров, а в жаркую летнюю пору скромные якутские мотыльки уступают место крупным тропическим бабочкам.

Здесь на рассвете тигры возвращаются с ночной охоты к своим лежбищам; в это время тайга замирает, и только птицы, сидя в гнездах высоко над землей, отваживаются резкими криками заявить о своем присутствии. Однако этим утром даже птицы при малейшем шорохе срывались с мест, а дикие животные тайком пробирались сквозь чащу, потому что извечные устои тайги нарушил их самый коварный враг – человек. В самом сердце тайги, вблизи южной оконечности Буреинского хребта², появилась группа следопытов и звероловов, разбивших здесь свой лагерь.

Когда солнечные лучи разогнали туман, стлавшийся по лесным полянам, на одной из них показались силуэты нескольких палаток, окруженных полукругом телег. Под телегами спали привязанные к колесам лохматые псы. Внутри полукруга телег стоял ряд клеток с дверками из железных прутьев. Вблизи лагеря паслись стреноженные лошади.

Из палатки вышел низкий, широкоплечий мужчина, одетый в штаны и куртку, сшитые из оленьей шкуры. Он внимательно окинул взглядом поляну, повернул к солнцу смуглое лицо с раскосыми глазами, маленьким носом и выдающимися

² *Буреинский хребет* – обширная горная территория, возвышающаяся над двумя прилегающими к ней равнинами: Зейско-Буреинской на западе и Нижнеамурской на востоке. К югу хребет переходит реку Амур и в Маньчжурии носит название Малый Хинган.

ся скулами. Он был искренне рад, что туман рассеялся. Мужчина посмотрел вверх. Хмурое небо, а таким оно было уже две недели, наконец разъяснилось и голубело в лучах восходящего солнца. Тихий, почти безветренный рассвет свидетельствовал о том, что пора летних муссонных дождей³ прошла. Лицо мужчины озарилось улыбкой. Ведь он был проводник и следопыт – участник экспедиции, организованной белыми звероловами, приехавшими сюда из далекой страны. Проводник уже давно ждал подходящего дня, чтобы закончить охоту на тигров. После этого экспедиция должна была перейти в район, расположенный к западу от Буреинского хребта, чтобы очутиться вне досягаемости муссонных дождей, которые задерживались на восточных склонах гор.

Мужчина вернулся в палатку, потом снова вышел на поляну, держа в руках старую берданку⁴. Теперь у него на ногах были мягкие унты из оленьей шкуры, и он, бесшумно ступая, направился в чащу леса. Как раз в этот момент из соседней палатки выглянул молодой человек довольно высокого роста. Это был зверолов Томек Вильмовский, который с от-

³ Муссон – ветер, меняющий направление зимой и летом. Зимние муссоны дуют с севера и северо-запада (из глубины суши к океану) и несут с собой холодную, сухую, солнечную погоду. Летние муссоны, не слишком жаркие, дуют со стороны океана (с юга и юго-востока) и несут с собой теплый, влажный воздух. Поэтому на восточных склонах Буреинского хребта лето бывает теплым и дождливым, хотя отличается частыми туманами.

⁴ *Берданка* – разговорное название однозарядных винтовок Бердана с патроном центрального воспламенения, металлической гильзой и дымным порохом.

цом и несколькими друзьями охотился в приамурской тайге. Увидев уходящего проводника, юноша, несмотря на то что был полуодет, побежал вслед за ним.

– Нучи⁵, куда ты собрался так рано? Если ты идешь искать обнаруженных вчера тигров, то я с удовольствием пойду с тобой, – по-русски крикнул он, догоняя следопыта, представителя местного народа – нанайцев⁶.

Нучи остановился, повернулся к юноше и на ломаном русском языке, перемежая его словами родного языка, ответил:

– Моя проверит, есть ли амба⁷, и вернется за вами.

– Ты же знаешь, что я умею незаметно подкрасться к зверю. Я не вспугну тигров, возьми меня с собой, – просил Томек.

Нучи поднял голову, чтобы заглянуть в глаза юноши.

– Твоя такой же хороший охотник, как старый гольд, но амбы живут далеко за сопкой, шибко далеко! Твоя устанет ходить, а потом не может скоро ловить, – ответил он.

– Ну да, ты, пожалуй, прав, Нучи, но я при случае подстрелил бы что-нибудь для наших тигров. Остатки кабана я разделю между ними сейчас. Их надо хорошо накормить, а то они будут шуметь целый день. Ты же сам говорил, что это мешает охоте, – искушал Томек охотника, так как очень

⁵ Малый (нанайск.).

⁶ Нанайцы (прежнее название – гольды) – народ, живущий на Дальнем Востоке, по берегам рек Амур и Уссури.

⁷ Тигр (нанайск.).

хотел отправиться в тайгу со знаменитым местным звероловом.

– Теперь наша не может стрелять, – твердо ответил Нучи. – Мы должны поймать амбы, а потом охотиться. Пусть твоя накормит амбы в клетках, а то голодные они злые и громко кричат своим братьям в тайге. Тогда совсем нет охоты.

– Хорошо, Нучи, я займусь тиграми.

Нанаец подмигнул опечаленному юноше, забросил ружье за спину и быстро исчез в лесной чаще. С нескрываемой завистью Томек смотрел ему вслед, хотя в глубине души признавал правоту местного охотника. Здесь, в приамурской тайге, ловля живых тигров осуществлялась старым охотничьим способом, то есть без участия многочисленной облавы, которая помогла бы окружить животных. Погоня за тиграми небольшой группы людей с собаками была чрезвычайно изнурительна, в особенности на склонах сопок. Правда, в течение нескольких недель охоты они сумели поймать трех молодых хищников, но сильно при этом устали. Дождливое лето не благоприятствовало звероловам. Размокшая от дождей земля затрудняла и без того тяжелую охоту. Поэтому опытный Нучи советовал отложить поимку тигров до приближающейся осени – лучшей поры года в этом районе. Он объяснял, что после муссонных дождей быстро устанавливается солнечная и теплая погода, которая обычно длится до конца сентября и даже до начала октября. В конце осени,

когда подсыхает и подмерзает земля, легче передвигаться на телегах. К сожалению, белые охотники не захотели воспользоваться хорошим советом. Они обосновались во влажной тайге и кружили по ней, словно духи.

Нучи исчез в чаще леса; Томек медленно вернулся в палатку. Стараясь не разбудить друзей, он взял одежду, полотенце, мыло и направился к протекавшему поблизости ручью. Вскоре одетый и умытый юноша присел на поваленный бурей ствол дерева. Некоторое время прислушивался, подо-

зрительно поглядывая вокруг. В лагере царила полная тишина. Все отдыхали перед новой охотой, которую обещал им Нучи.

Томек осторожно достал из поясного кармана листок бумаги. Разглядел его на колене. Это было письмо от его двоюродной сестры Ирены Карской, в семье которой он долгое время жил в Варшаве после смерти матери и побега отца за границу.

Томек начал читать письмо:

Варшава, 10 мая 1907 года

Дорогой братец!

Я почти целый год не отвечала тебе на письмо, которого мы с таким нетерпением ждали. Из-за строгостей цензуры я не все могла тебе написать о трагических событиях, происшедших в нашей семье. Только теперь я могу послать тебе ответ не по почте, а с оказией. Один из друзей папы уезжает за границу по торговым делам и обещал выслать мое письмо из Германии.

Дорогой Томек, прежде всего я должна объяснить тебе причину всех этих предосторожностей. Дело в том, что Збышек арестован и сослан в Сибирь⁸. Ты,

⁸ В царские времена Сибирь в течение долгого времени была местом ссылки русских и польских революционеров. Первые поляки очутились в Сибири как военнопленные еще во время войн Стефана Батория с Иваном Грозным. В XVII веке, когда войны между Польшей и Россией участились, в Сибирь направлялись пленные поляки в значительном количестве. В XVIII веке, в связи

конечно, лучшие других поймешь, каким это было ударом для всех нас, в особенности для мамы. Ты же помнишь – она всегда боялась всякого рода политических заговоров! Когда ты уехал со Смугой к своему папе, она, бедняжка, думала, что все заботы уже закончились. Во время революции в России и в Царстве Польском⁹ она радовалась, что ты живешь в безопасности, далеко от нас! Она говорила тогда, что в твоей крови бушует революционный дух твоего отца и во время беспорядков ты не усидел бы спокойно на месте. А мой папа ей только поддакивал. Он постоянно называет тебя польским патриотом.

Конечно, Збышек, Витек и я стремились тебе

с Барской конфедерацией и восстанием Тадеуша Косцюшко, в Сибирь были сосланы многие поляки. По указу от 29 мая 1768 года царское правительство сослало участников конфедерации в Сибирь, включив их в качестве солдат в местные гарнизоны. После восстаний 1831 и 1863 годов в Сибирь были сосланы десятки тысяч поляков. Позднее, участвуя в революционном движении XIX и начала XX века, поляки разделяли тяготы ссылки с многочисленными русскими революционерами, томившимися в Сибири.

⁹ Речь идет о революции 1905 года в России. Революционные рабочие партии (Социал-демократическая партия Королевства Польского и Литвы, а также Польская социалистическая партия) в ответ на события 9 января в Петербурге призвали рабочих начать всеобщую забастовку, которая охватила всю часть Польши, находившуюся в пределах Российской империи. После разгрома царскими войсками первомайской демонстрации в Варшаве в 1905 году на всей территории бывшего Царства Польского вспыхнула ожесточенная революционная борьба. В ней участвовали студенты и ученики средних учебных заведений, которые требовали реформы образования и, в частности, введения в школах родного языка. Несмотря на то что сопротивление было подавлено, полякам удалось добиться некоторых послаблений.

подражать. Тем более что представилось множество случаев. Студенты, а потом – следуя их примеру – гимназисты начали проводить школьные забастовки, требуя обучения на польском языке.

Збышек с группой друзей устроили в своей школе забастовку. Испугавшись бунта, директор вызвал жандармов. Они арестовали многих учеников и среди них Збышека. Стремясь защитить друзей от преследований, Збышек всю вину за организацию забастовки взял на себя. Его даже не судили. Просто в административном порядке выслали в Сибирь. Мы получили от него одно-единственное письмо из Нерчинска¹⁰, куда его сослали. Говорят, будто он поступил работать к купцу Наикину, торгующему мехами, но из письма чувствуется, что он чрезвычайно тоскует по дому и родине. Бедный мальчик! Ему наверняка требуется помощь. Кто знает, увидим ли мы его еще когда-нибудь...

Около нашего дома постоянно кружат сыщики, расспрашивают дворника, следят за нами...

Томек не успел дочитать письмо до конца, но в этом и не было нужды, так как он знал в нем каждое слово. Юноша тщательно сложил письмо и сунул в кармашек у пояса. После чего стал сосредоточенно думать о необыкновенных событиях, которые привели его в сибирскую тайгу.

Письмо Ирки, вместе с корреспонденцией из Лондона, он

¹⁰ *Нерчинск* – город, расположенный близ реки Шилки на юго-востоке Сибири. Основан в 1653 году.

получил в Алваре¹¹, после возвращения из неудачной экспедиции в Тибет. Всю корреспонденцию выслала ему в Алвар австралийка Салли. Томек и его отец были чрезвычайно опечалены трагическими известиями из Варшавы. Ведь они многим были обязаны семейству Карских. Карские долгое время заменяли Томеку родителей. Помогали ему в самые тяжелые минуты и заботились о нем, как о собственном сыне.

Друзья Вильмовских, Ян Смуга и боцман Новицкий, сочувствовали им в постигшем их горе. Ведь каждый из них по-своему был жертвой царского режима. Вильмовский и боцман были вынуждены бежать за границу, опасаясь ареста. Брат Смуги был сослан в Сибирь. Какая разница, что благодаря счастливому стечению обстоятельств ему удалось бежать из ссылки? За полученную свободу он заплатил жизнью. Желая выполнить последнюю волю умершего ссыльного, наши друзья направились в далекие горы Алтынтаг, чтобы отыскать спрятанное им золото. Половина сокровища должна была пойти на помощь польским ссыльным в Сибири. Однако экспедиция, трудная и опасная, закончилась полной неудачей¹². Каменная лавина закрыла вход в пещеру, где было спрятано золото. А теперь, не успев вернуться из неудачной экспедиции, они узнали о новом аресте и ссыл-

¹¹ *Алвар* – столица одноименного княжества в Северо-Западной Индии.

¹² Об этих событиях читайте в книге А. Шклярского «Томек ищет снежного человека».

ке. Во время беседы с сочувствующей им рани¹³ Алвара и ее братом пандитом Давасарманом, который принимал участие в экспедиции в горы Алтынтаг, они решили помочь Збышеку бежать из Сибири. Судьба поляков показалась княгине похожей на судьбу индийцев во времена владычества Англии. Войдя в их положение, она предложила Вильмовскому свою яхту, чтобы облегчить побег ссыльного. Пандит Давасарман вызвался принять личное участие в этой рискованной экспедиции. Его помощь пришла весьма кстати, потому что, будучи пандитом, то есть обученным англичанами специалистом, который занимается географическими исследованиями различных стран Азии, он обладал колоссальным опытом. Кроме того, наличие яхты давало им возможность свободно плавать по морю и делало независимыми от транспортных средств, находившихся под особым надзором властей.

Смуга и Вильмовский были в тесных торговых отношениях со всемирно известной фирмой Гагенбека, занимавшейся поставками диких животных в зоологические сады и цирки. Благодаря этому им удалось получить поддержку фирмы в деле организации охотничьей экспедиции в Сибирь. Однако ни Вильмовский, ни боцман, нелегально покинувшие Россию и разыскиваемые полицией, не могли отправиться туда под своими фамилиями. Поэтому Давасарман, воспользовавшись своим авторитетом у английских властей в Ин-

¹³ *Рани* – титул женщины-правительницы в Индии.

дии, раздобыл приятелям новые документы. Согласно им Вильмовский оказался «английским подданным Броуном, препаратором шкур диких животных», а боцман Новицкий стал «германским подданным по фамилии Броль, укротителем диких животных». Таким образом, удалось получить разрешение русских властей на организацию охоты в тайге на Дальнем Востоке для отлова образцов сибирской фауны. Участники экспедиции уже около двух месяцев охотились на тигров и всё думали, под каким же предлогом они смогли бы поехать в Нерчинск, расположенный в Забайкалье. Успеху опасного предприятия мешали не только огромный, почти лишенный дорог край, но и целый ряд иных обстоятельств.

Гагенбек (Хагенбек), Карл (1844–1913) – немецкий дрессировщик, зоолог, коллекционер диких животных, основатель зоопарка в Штеллингене около Гамбурга – первого в мире зверинца, в котором животные содержались в естественных природных условиях. В 1908 году выпустил книгу «О зверях и людях», в которой подробно рассказал о выстроенной им новой системе акклиматизации и содержания диких животных в зоопарках и зоосадах.

Пандит Давасарман не участвовал в охоте. Он постоянно находился на яхте, которая стояла на якоре в бухте Золотой Рог во Владивостоке, готовая в любой момент выйти в море. Индеец ждал тут сообщений и инструкций от друзей. Связь между командиром яхты и охотничьей экспедицией поддерживал Удаджалак, верный товарищ пандита Давасармана, не раз участвовавший в исследовательских походах в различные страны Азии.

Томек призадумался. Сумеют ли они поехать в Нерчинск? Застанут ли там Збышека и смогут ли его освободить? Юноша достал из кармана куртки карту. Поискал на ней мощную реку Амур, естественное продолжение рек Шилки и Аргуни, которые берут свое начало на краю пустыни Гоби. После слияния этих рек в единое русло Амур описывал широкий полукруг к югу и, только начиная с места впадения правого притока, реки Сунгари, делал крутой поворот на северо-восток. Как раз в самой южной точке Амура, между левым притоком, Буреей, и правым – Сунгари, на карте виднелся сделанный карандашом крестик. Здесь, на левом берегу реки, располагался лагерь охотников.

Юноша внимательно разглядывал карту. Первую часть пути они проехали из Владивостока в Хабаровск по железной дороге вдоль реки Усури. Из Хабаровска на лошадях направились вдоль левого берега Амура по Сибирскому тракту до Рухлова¹⁴, откуда снова начиналась железная до-

¹⁴ Рухлово переименовано в Сковородино в 1938 году.

рога до Нерчинска и Читы в Забайкалье.

Дело в том, что Сибирская железная дорога в те времена была построена от Москвы, через Урал, Южную Сибирь в Читу и оттуда уже как Китайско-Восточная железная дорога проходила через Маньчжурию и заканчивалась во Владивостоке, на берегу Тихого океана. В результате Русско-японской войны Россия должна была покинуть Маньчжурию, оставив под своим контролем только Китайско-Восточную железную дорогу с довольно широкой полосой отчуждения вдоль пути и рядом городов, в которых находилась русская администрация железной дороги. Стремясь обезопасить себя на случай потери Китайско-Восточной железной дороги, царское правительство решило построить линию вдоль левого берега Амура между Рухловом и Хабаровском. Таким образом, должен был возникнуть новый участок Сибирской железной дороги от Читы до Хабаровска. Однако в те времена Томек и его друзья, оставив Хабаровск, очутились в девственной тайге, простиравшейся вплоть до Забайкалья¹⁵.

¹⁵ Долгие годы путешествие по Сибири совершалось по так называемому Сибирскому тракту. Поездка из Москвы к берегам Тихого океана длилась около двух месяцев. Только в 1891–1906 годах в Южной Сибири была построена железнодорожная линия от Москвы до Владивостока. Позднее был построен участок Чита – Рухлово – Благовещенск – Хабаровск, откуда до Владивостока вела линия, построенная в 1894 году. Строительство участка от Рухлова до Хабаровска было завершено в 1915–1917 годах, а в то время, к которому относится наше повествование, работы на этом участке только начинались.

Томек так задумался, что не услышал тихих шагов и даже испугался, почувствовав на плече чью-то руку.

Он быстро обернулся и, увидев Смугу, с облегчением вздохнул:

– А я было испугался, что кто-то чужой поймал меня за изучением карты.

– Осторожнее, Томек. Будет лучше, если никто не заподозрит, что мы интересуемся топографией этого края, – сказал Смуга. – Кроме того, ты слишком резко реагируешь на неожиданности. Старайся держать себя в руках. Стал более нервным, мой друг? Во время прежних экспедиций ты был куда спокойнее...

Смуга уселся рядом с Томеком, а тот наклонился к нему и вполголоса сказал:

– С тех пор как исправник в Хабаровске приставил к нашей экспедиции своего агента в качестве наблюдателя, я никак не могу совладать с собой. Удастся ли нам в этих условиях освободить Збышека?! Кроме того, я боюсь за отца и боцмана.

– Ты напрасно волнуешься. У них документы на чужие фамилии, и они прекрасно играют свою роль. Если мы будем достаточно осторожны, их никто не уличит.

– Да я повторяю себе это по тысяче раз в день, но сверлящий взгляд этого шпика возмущает меня до глубины души.

– Не так страшен черт, как его малюют, – ответил Смуга. –

Он следит за нами, а мы – за ним. Удаджалак не спускает с него глаз. Если он начнет ерепениться, мы его тихонько погасим, как свечу.

– Так ужасно находиться рядом с тем, кто следит за нами и за кем следим мы.

– Любой порядочный человек чуждается предательства, но мы добровольно влезли в пасть медведю и никак не можем допустить, чтобы он перекусил нас зубами.

– Это правда, – признал Томек. – Ведь речь идет не только о нас, но и о Збышке.

– Послушай, Томек! Мы здесь как на войне. Ты в качестве почетного члена племени апачей¹⁶ обязан помнить, что главное достоинство воина – это терпение, рассудительность и молчание.

– Видимо, плохой из меня воин.

– Не болтай чепухи! – оборвал его Смуга. – Ты просто порешь горячку. Тебе не терпится поскорее попасть в Нерчинск. Но я знаю, как только мы приступим к настоящему делу, ты сразу обретишь уверенность и силу.

– Ах, если бы было по-вашему!

– Можешь вполне на меня положиться, я тебя очень хорошо знаю. Вы избрали меня начальником экспедиции. Поэтому обязаны доверять мне. Мы не имеем права поспешны-

¹⁶ За помощь, оказанную вождю племени апачей по имени Черная Молния во время пребывания Томека в Аризоне (читайте в книге «Томек на тропе войны»), индейцы-апачи приняли Томека в свое племя.

ми, непродуманными действиями испортить все дело. У нас есть разрешение на охоту в Приамурье. А отсюда до Нерчинска довольно далеко. Поэтому мы сидим в тайге, несмотря на неподходящую для охоты пору. Нам надо как-то обвести исправника вокруг пальца.

– И вы уже продумали план действий?

– Да. Мы отправимся в Благовещенск. Там разобьем лагерь, где оставим твоего отца, поскольку в Нерчинске он может быть опознан. А сами с боцманом и Удаджалаком попытаемся пробраться в Нерчинск. Ясное дело, нам придется убедить Павлова остаться с твоим отцом, что я и постараюсь сделать. Самое главное, чем я сейчас озабочен, – это как нам спрятать Збышека в лагере, чтобы сыщик ничего не заметил. Я тебе говорю об этом, так как мне самому ничего подходящего в голову не приходит. Я рассчитываю на твою хитрость. Время не ждет, начинается наиболее благоприятная пора года для путешествия на лошадях.

– Я знаю. Попытаюсь что-нибудь придумать.

– Только никому не болтай об этом. Так будет лучше для нас всех.

Послышался лай собак. Смуга поднялся.

– Видно по всему, что будет хорошая погода, – сказал он, немного помолчав. – Если Нучи найдет следы тигров, нас ждет трудный день. Наши уже, наверное, проснулись, идем завтракать.

Томек смотрел на Смугу с восхищением. Необыкновен-

ная отвага, честность и доброжелательность располагали к нему сердца людей. Все уважали его и слушались так, словно считали естественным, что там, где находится Смуга, никто другой не может быть старшим. Поэтому Томек почувствовал гордость за себя, ведь Смуга именно к нему обратился за советом.

Они застали друзей за различными хлопотами. Боцман Новицкий, настоящий великан, который в экспедиции играл роль не только укротителя, но и оружейного мастера, сидел с подвернутыми ногами на разложенном на земле одеяле. Он торопливо чистил оружие, и по всему его виду можно было понять, что он сейчас в плохом настроении.

Во время этой охотничьей экспедиции, в особенности в обществе русских или туземцев, Томек и его друзья говорили по-русски. Это было для них делом обычным, так как все они в свое время ходили в школы в так называемом Царстве Польском, где преподавание велось на русском языке. А Удаджалак познакомился с русским языком во время прежних экспедиций Пандита Давасармана по Центральной Азии.

Увидев Томека, боцман громко выразил свое неудовольствие:

— В этом чертовом краю насекомые еще при жизни поедом едят человека. А ты, браток, вместо того чтобы прятаться в кустах, приготовил бы лучше защитные сетки, потому что шкура у меня свербит при одной мысли о безветренной погоде!

Томек сочувственно взглянул на друга. Его опухшее лицо и шея были покрыты кровавыми струпьями. Правда, гнус – бедствие сибирской тайги – крепко досаждал всем охотникам, но моряк страдал больше других. Особенно в безветренные, погожие дни, перед дождем или во время сумерек, огромные тучи насекомых появлялись в тайге, нападая на людей и животных. Этих жадных кровососущих насекомых было полно повсюду. Они толстым слоем покрывали воду в ведре, плавали в супе, в горшке и в тарелке, цеплялись за одежду, лезли в глаза, уши, носы, проникали под рубашки, а их укусы оставляли на человеческом теле зудящие ранки. Через некоторое время организм человека несколько привыкал к укусам и раны исчезали, но несчастный боцман, в противоположность своим друзьям, все еще никак не мог приспособиться к гнусу.

Томек подошел к моряку.

– Я сейчас принесу сетки, хотя бегать по лесу с укрытой головой очень неудобно, – сказал он. – Кроме того, я насобираю смолистых щепок, чтобы мы могли хотя бы дымом отгонять гнуса. Если говорить правду, то удивительно, что именно вас так полюбили эти зловредные насекомые. Мы уже попривыкли и почти не чувствуем их укусов.

– Ах, это чертово племя, как видно, очень разборчиво, – ответил боцман, красноречиво посмотрев своими опухшими глазами на Павлова – сыщика, которого им подсунил хабаровский исправник в качестве наблюдателя, и добавил: –

Мне говорил один ученый, что гнус не нападает ни на тяжелобольного, ни на отъявленного подлеца. И в том и в другом случае насекомые прекрасно чувствуют кандидатов на тот свет, а, как известно, трупы гнус не кусает.

Томек с трудом подавил смех, поняв этот намек на Павлова, совершенно безразличного к гнусу.

Три сына Нучи, как все нанайцы, тонко чувствующие юмор, громко рассмеялись.

– Твоя хорошо говорит, зверь сразу узнает плохого человека, – сказал один из них.

– Вас тоже гнус не трогает, – сказал Томек, давая боцману знак, чтобы тот зря не дразнил шпикиа.

– Гнус умный, он знает, что нанаец – сын тайги. Они знакомых не трогают, – ответил нанаец, весело подмигивая.

– Вместо того чтобы шутки шутить, лучше давайте готовиться к охоте, – приказал Смуга. – Вот-вот Нучи вернется! Проверьте веревки, займитесь собаками. Господин Павлов не любит гоняться за тиграми, поэтому он, пожалуй, как всегда, останется в лагере на страже?

– Вы начальство – вам виднее! Хорошо, я буду стеречь лагерь, – охотно согласился Павлов.

– А при случае пошарю во выюках, – вполголоса буркнул боцман Томеку.

– Заткните ваш фонтан, уважаемый Броль, – шепнул Томек. – Вам обязательно нужно обратить на себя внимание сыщика.

Господин Броль, то есть боцман Новицкий, тихонько выругался, но оставил Павлова в покое, тем более что Вильмовский позвал всех завтракать.

II

Сибирская охота

Нучи вернулся еще до конца завтрака. Он сообщил, что логово тигрицы с двумя тигрятами находится на расстоянии около трех верст от лагеря. Охотники тут же составили план охоты. Боцман и Удаджалак постараются выстрелами отогнать тигрицу от тигрят, а Нучи, три его сына, Томек, Вильмовский и Смуга должны окружить логово.

Павлов, как было решено раньше, оставался сторожить лагерь.

Вскоре охотники направились в тайгу. Впереди шел Нучи, за ним его сыновья с тремя собаками на поводках, а чуть дальше, по их следам, — остальные охотники с четырьмя гончими. Томек замыкал шествие, шагая сразу за боцманом.

Чем дальше они углублялись в дремучую тайгу, тем тяжелее было идти. Извилистый след тропинки, едва различимый среди густых зарослей шиповника, терновника и можжевельника, опутанных стеблями ломоноса, называемого якутами¹⁷ «дьявольской сетью», часто совсем пропадал. Иногда приходилось уходить в сторону, чтобы обойти поваленные ветром стволы деревьев. В тайге лесные великаны не могли

¹⁷ *Якуты* (или саха, как они сами себя называют) — народ, живущий в бассейне Лены и Енисея, вплоть до берегов Охотского моря.

глубоко запускать корни в землю, поэтому свирепые ветры выворачивали подчас целые полосы леса и создавали трудные для прохода участки. Порой путь преграждали старые, насквозь прогнившие деревья, которые сами падали на землю, словно отдавая дань всесилию времени.

Дремучая, таинственная тайга возбуждала у людей страх перед чем-то неизвестным, что скрывается в ее глубине. Тайга казалась молчаливой и мрачной, но внимательный взгляд охотников ежеминутно раскрывал всё новые ее тайны. У тропинки под поваленным стволом дерева они открыли медвежью берлогу. Чуть дальше, на небольшом холмике, устроился жадный бурундук, один из самых маленьких в мире грызунов. На высохших ветвях сваленного дуба он сушил свои лакомства: грибы, корни и орехи, запасы которых делал по крайней мере на два года вперед. Дальше, за холмом, вилась тропинка, протоптанная оленями; в дупле раскидистой липы пчелиный рой, – вероятно, там можно было найти ароматный лесной мед.

Томек с интересом разглядывал все, что встречалось им по пути. Он впервые попал на этот участок тайги. Нучи вел охотников за собой, почти не задерживаясь, а Томек шел последним. Когда впереди на мгновение показалась фигура старого охотника, Томек вспомнил о том, как он познакомился с Нучи. Нучи и его сыновья были взяты в качестве проводников и следопытов не случайно. Вильмовский знал Нучи по рассказам бывшего ссыльного, с которым встречал-

ся в Варшаве и вместе вел революционную работу еще до побега за границу. Помня рассказы польского ссыльного, он по прибытии в Хабаровск занялся поисками жилища Нучи в тайге и привлек его к участию в экспедиции. Выбор оказался очень удачным. Нучи был настоящим сыном тайги. Он родился и вырос в тайге, тайга его кормила и поила, поэтому ничего удивительного не было в том, что он знал все ее тайны и относился как к родной матери, которая иногда бывает суровой, но любящей своих детей. Однажды во время охоты Нучи, услышав жалобы боцмана на «дьявольскую страну», стал уверять охотников в том, что тот, кто ближе знает тайгу, всегда будет тосковать по ней, если ему придется покинуть ее на время. Это напомнило Томеку слова их проводника по австралийскому бушу, туземца Тони, который говорил примерно то же самое об увлечении путешественников австралийским бушем.

Сибирский бурундук, или полосатая сибирская земляная белка (*T. striatus*), значительно меньше и неуклюжее обыкновенной белки (длина – 20 см, хвост – 10 см), с продолговатой, усаженной редкими усами головой. Короткий, жесткий мех его имеет общий желтоватый фон, по которому идут на спине пять черных полос; живот – беловато-желтый <...>. Сибирский бурундук обитает чаще всего в кедровых лесах, в подземных норах, куда залегает на зиму, обеспечив себя запасами зерна и орехов. Звучный крик его напоминает жалобный стон совы-зорьки... В лазанье бурундуки уступают белкам, но зато

превосходят их в беганье. (А. Брэм. *Жизнь животных*, т. 1.)

Размышления Томека были прерваны тихим окриком боцмана Новицкого.

– Ах, чтоб тебя кит проглотил!.. – выругался моряк, по своему обычаю, отпрянув от колючей аралии.

Боцман хотел перелезть через поваленный ствол дерева и, чтобы сохранить равновесие, оперся рукой о ствол дуба, стоявшего рядом. Внезапно под тяжестью его мощного тела кора дуба треснула, и рука боцмана по самый локоть вошла в трухлявое дерево, как в масло. Моряк испугался, что дерево свалится на него, и отскочил в сторону, но чуть было не упал и схватился рукой за колючий стебель аралии. Быстро отдернув руку, он выругался. Томек подбежал к приятелю, чтобы помочь ему вытащить из ладони шипы.

– Ах, что ж это за дьявольский кустарник?! – возмущался моряк. – Похож на пальму, а кусается, как кактус!

– В тайге нельзя прыгать куда попало, – сказал Томек. – Это дальневосточная аралия, своего рода достопримечательность этого края...

– Оставь свою ботанику, – буркнул боцман. – Морду мне разукрасили проклятые мошки, а теперь еще лапа вспухнет!

Однако друзья сейчас же затихли, потому что проводник остановился; наклонясь над землей, он внимательно что-то рассматривал. Охотники тоже встали. Томек подошел к Ну-чи и присел на корточки, чтобы лучше видеть.

– Очень свежий след, – прошептал Томек, внимательно рассматривая углубления, выдавленные лапами тигра на земле. – Это тигр, конечно тигр! Судя по расстоянию между следами и по их размеру, это, похоже, взрослый тигр...

– Хорошо говорит, хорошо! – похвалил Нучи.

– Следы очень глубоки, а значит, у него тяжелые шаги, – громко продолжал рассуждать Томек, довольный похвалой опытного следопыта.

Он прошел несколько шагов по следам.

– Кроме следов, видны капли крови, может быть, его кто-нибудь ранил? – говорил Томек. – Нет, нет! Раненый тигр не ступал бы так уверенно. Уже знаю! Он тащил на спине добычу! На кустах терновника есть клочки светло-коричневой шерсти. Она мне напоминает шерсть одного из видов оленей, быть может оленя Дыбовского¹⁸.

¹⁸ Олень Дыбовского, или олень пятнистый уссурийский (*Pseudaxis hortulorum*), – вид оленей, открытый выдающимся польским ученым Бенедиктом Дыбовским.

Дыбовский, Бенедикт Иванович (при рождении Бенедикт Тадеуш, 1833–1930) – российский ученый польского происхождения; географ, зоолог, медик, лингвист. В 1860-х изучал фауну Забайкалья, Приамурья, реки Уссури. С 1877 по 1881 год исследовал Камчатку, Курильские и Командорские острова; изучал языки коренных народов – айнов, камчадалов, коряков. Открыл около 50 видов животных, которые были названы в его честь.

Смуга, который тоже разглядывал следы, опередил Томе-

ка. Он слышал рассуждения юного друга и довольно улыбался.

– Ты делаешь правильные выводы, – сказал он. – Может быть, ты сумеешь точнее определить животное, которое тащил тигр.

После минутного раздумья Томек сказал:

– В лесах Южной Сибири обитает один из видов благородного оленя, которого здесь зовут маралом. Но это мог быть также лось или северный олень.

– Нет, мой дорогой, это не был марал или лось и даже не северный олень, – ответил Смуга. – Пройди еще несколько шагов!

Томек медленно шел вдоль склона, тщательно изучая ясно видные следы.

– Может быть, это был все-таки олень Дыбовского? – сказал он. – Я сразу вспомнил, что Дыбовский, будучи в ссылке, открыл в Сибири новый вид оленя, который стали называть его именем. Этот олень по внешнему виду напоминает индийского аксиса. На темной шерсти у него в несколько рядов в беспорядке разбросаны белые пятна.

– Bravo, Томек, у тебя превосходная память, – похвалил Вильмовский.

– Нет, дружище, ищи дальше, это не был олень Дыбовского, – возразил Смуга. – Олень Дыбовского обитает южнее, в Уссурийском крае¹⁹.

¹⁹ Традиционное название южной части Дальнего Востока России. Большая

Томек стал на колени. Низко наклонился над землей. На примятой траве виднелись какие-то пятна. Юноша сорвал один из стебельков. Понюхал его и триумфально воскликнул. Клейкая темная масса, видневшаяся на стебельке, издавала специфический запах.

– Уже знаю, это была кабарга, – заявил он товарищам. – Когда тигр тянул кабаргу по земле, разорвался подбрюшный мешочек, выделяющий мускус.

– Ну-ну, ты и в самом деле стал прекрасным следопытом, – удовлетворенно сказал Смуга.

– Какой же я глупец! Вы открыли запах мускуса раньше меня.

– У тебя и в самом деле не зря башка торчит на плечах, – вмешался боцман. – Ты вынюхиваешь следы, словно ищейка. Покажи-ка мне эту травку, интересно, как пахнет мускус!

часть территории расположена в бассейне реки Уссури и включает в себя южную оконечность хребта Сихотэ-Алинь, Приханкайскую низменность и прилегающие к ней хребты. В настоящее время административно входит в состав Приморского края.

Благородный олень (*Cervus elaphus*) [или марал. — *Здесь и далее примеч. ред. идут в квадратных скобках.*] отличается круглыми стволами и ветвями своих рогов, которые бывают только у самцов. Это красивое, стройное, изящное животное с широкой грудью и длинной головой, с живыми глазами, имеющими овальные зрачки. Из слезных ямок их вытекает жирная, кашицеобразная масса. Величина оленя — 1,85–2,15 м, причем 15 см занимает хвост, высота плеч 1,2–1,5; общий вес до 12 пудов [около 192 кг]. Самки меньше. Шерсть состоит из ости,

серовато-бурой зимой и красновато-бурой летом, и пепельно-серого подшерстка. (А. Брэм. *Жизнь животных*, т. 1.)

Боцман осторожно понюхал, скривился и буркнул:

– Вот так же пахло в аптечном складе на Повислье, куда мамаша посылала меня за синькой.

– Мускус очень ценится на мировом рынке. Его используют как для производства лекарств, так и в парфюмерной промышленности как средство, закрепляющее запахи, – пояснил Вильмовский.

– Вот видишь, боцман, и в Сибири кое-что есть, – добавил Смуга. – Однако хватит болтовни. Тигрица поймала кабаргу. Насытившись, она, видимо, отдыхает со своими тигрятами. Легче будет застать ее врасплох. Далеко еще до логова?

– Очень близко, – ответил Нучи. – За сопкой – долина и ручей. Там в кустах спят амбы. Теперь наша идти осторожно. Наша знать: амбы близко, надо быть тихо.

Все двинулись по следам тигрицы. Раньше приходилось сдерживать собак, рвавшихся вперед. Теперь собаки, поджав хвосты, жались к ногам охотников. Почуввав близость грозных хищников, они неуверенно двигали ушами и скалили зубы.

Кабарги отличаются тем, что не имеют ни рогов, ни слезных ямок; хвост у них короткий. У самцов длинные, выступающие наружу большие клыки в верхней челюсти, торчащие по бокам рта, несколько назад. На верхней челюсти нет резцов, а в нижней их 6; кроме того, вверху и внизу по 6 коренных зубов. Желудок, как у коровы, разделен на 4 части; у самца около пупка находится железистый мешок, выделяющий мускус <...>. Они веселы, проворны, легки и быстры в своих движениях, прекрасно прыгают, лазают и бегают, подобно серне, по снежным полям. Основные черты их характера – робость и пугливость. Охотятся за ними ради мяса и мускуса. (А. Брэм. *Жизнь животных*, т. 1.)

Окружив холм, охотники очутились в долине, по каменистому дну которой протекал ручей. По следам можно было

заклЮчить, что измученная тяжестью трофея тигрица некоторое время отдыхала на берегу и пила воду. Нучи повел охотников вниз по ручью. Вскоре они увидели широкую безлесную полосу, поросшую буйной травой высотой в человеческий рост. Светлая голубизна неба сливалась на горизонте с неподвижным морем степного разнотравья.

– Там, вдали, батюшка Амур, – шепнул Нучи, указывая рукой на юг.

– Мы, пожалуй, находимся вблизи Зейско-Буреинской равнины? – обратился Томек с вопросом к отцу.

Вильмовский кивнул головой и добавил:

– Вероятно, скоро тайга отступит еще дальше на север. Зейско-Буреинская равнина – одна из немногочисленных территорий на Дальнем Востоке, вполне пригодная для земледелия.

Нучи жестом потребовал молчания. Он внимательно всматривался в кусты, видневшиеся на берегу ручья на расстоянии около трехсот метров от охотников.

– Там спят амбы, – тихо сказал он.

Основная группа, в задачу которой входила поимка молодых тигров, должна была обогнуть кусты, чтобы зайти с противоположной стороны. Боцман и Удаджалак, которые должны были задержать тигрицу как можно дальше от ее потомства, направлялись прямо к логову.

Часть охотников пошла в обход. Через какое-то время, уже совсем не скрываясь, боцман и Удаджалак двинулись

к кустам на берегу ручья. Вскоре раздались пронзительные крики, лай собак и звуки выстрелов.

Поднятый охотниками шум вынудил взлететь бесчисленные стаи птиц. Рябчики, фазаны, тетерева, куропатки и дикие гуси кинулись во все стороны, но охотники даже не взглянули на них. Из зарослей осторожно высунула голову тигрица. Потом показалось все ее мощное, пружинистое, полосатое тело.

Бойсман первым заметил появившуюся из кустов тигрицу. Он показал на нее товарищу и вместе с ним смело вошел в кусты. Охотники сразу же начали адскую канонаду. Увидев врагов у себя в тылу, тигрица огромными прыжками выскочила в степь, после чего, сделав небольшую дугу, пыталась по берегу ручья добраться до своего логова. Но охотники преградили ей путь, стреляя из револьверов. Потерявшее ориентацию животное бросилось в воду. Тигрица пыталась добраться до своего логова то по воде, то по суше. Но она встречала все новых врагов как раз в той стороне, куда стремилась. Острый запах пороха ударил ей в ноздри.

А тем временем в зарослях кустов бесились два молодых тигренка. Окруженные со всех сторон людьми и собаками, они бросились наутек. Один из них, испуганный шумом, попал под ноги охотников, проскочил между ними и прыгнул в воду ручья. Тигрица сразу же заметила детеныша, плывшего к ней по течению. Протяжно заревев, она бросилась на противоположный берег. Материнский инстинкт подсказывал ей путь к бегству. Два охотника все еще продолжали беспорядочную стрельбу, пытаясь отогнать тигрицу от детенышей.

Второму тигренку удалось удрать в степь. Действуя по

указаниям Нучи, звероловы ловким маневром вынудили его броситься в долину и оттуда в тайгу. Они побежали за проводником, все еще держа собак на поводках.

Началось длительное и утомительное преследование. Донельзя испуганный хищник сумел значительно опередить погоню. Нучи распорядился спускать с поводка по одной собаке через равные промежутки времени. Сначала спустили самых слабых из них, потому что охотники хотели, чтобы вся свора нагнала тигра одновременно. Если бы раньше спустили самых сильных псов, то они опередили бы более слабых и, нападая на тигра поодиночке, потерпели бы неудачу.

Но вот уже последняя собака спущена с поводка. Лай своры постепенно удалялся. Только через полчаса быстрого бега расстояние между собаками и охотниками стало уменьшаться. Бег по таежной чаще утомил как хищника, так и его преследователей. Охотники пробирались через кусты, перескакивали через поваленные стволы деревьев и выстрелами придавали собакам смелости.

По лицам участников погони ручьями стекал пот. Но несмотря на то что охотники уже теряли силы, они все равно ускоряли бег, потому что грозный рев отчаянно защищавшегося тигра заглушал лай и завывание собак.

Наконец охотники настигли хищника. Опершись задом о поросшую мохом кучу бурелома, тигр острыми клыками или лапой то и дело пытался достать одного из нападавших псов. Собаки выглядели столь же дико, как и загнанный зверь.

Они нападали на него то с боков, то спереди. Их темная, как у волков, шерсть взъерошилась и взлохматилась. Ослепленные охотничьей страстью, псы не обращали внимания на полученные раны. Глаза собак горели кровавым огнем. Отскакивая от внезапного удара лап тигра, они поджимали длинные пушистые хвосты, но тут же, напрягаясь всем телом, готовились к новому прыжку, обнажая острые клыки в широко раскрытых пастьях.

Завидев охотников, собаки еще азартнее бросились на тигра. Нучи с сыновьями быстро взяли опасную ситуацию под контроль. Их громкие окрики-приказания заставили собак собраться только с одной стороны, тогда как с другой вперед двинулись звероловы.

Тигр отчаянно защищался. Густая шерсть на его загривке взъерошилась. Но вот одна из собак подскочила к нему сбоку; тигр немедленно замахнулся лапой. Воспользовавшись этим, Томек молниеносно набросил на поднятую лапу петлю аркана. Свернувшись в клубок, хищник рванул аркан, и тогда один из сыновей Нучи поймал в петлю его заднюю лапу. Через минуту Вильмовский тем же способом захватил вторую переднюю лапу. Тигр пытался перегрызть веревку, но позади его очутился Смуга; он набросил свою кожаную куртку на голову тигра. Вскоре покоренный хищник лежал на земле со связанными лапами.

Нучи остановился над ним и важно произнес:

– Ты мудрый, амба, ты понимаешь, ты можешь долго

жить. Наша не убивает! Наша кормит и учит. Твой брат тоже быть у нас. Он тебе скажет, что наша говорит правду.

Слушая речь старого охотника, звероловы тщательно скрывали улыбки. Следопыт, как и большинство нанайцев, живших по примитивным порядкам, был анимистом, то есть верил, что все окружающие его вещи живут, обладают собственной душой. Он с одинаковой важностью обращался со словами к зверю, к колючему кусту терновника, к дереву, которое собирался срубить на топливо, или к своей берданке, когда снаряжал ее перед охотой.

– Ты уже не будешь страдать, – продолжал Нучи, набрасывая петлю на пасть тигра. – Наша понесет тебя в лагерь. Наша даст тебе есть. Твоя это понимает, твоя – умница.

– Неужели ты и в самом деле думаешь, что тигр понимает твою речь? – спросил Томек.

– Амба такой же человек, как наша с тобой, – ответил Нучи, жестом руки требуя от сыновей, чтобы они поспешили с просовыванием длинной жерди между связанными лапами тигра.

Звероловы, время от времени сменяясь, несли на плечах молодого тигра, весившего не меньше сотни килограммов. Старый нанайец шел рядом, продолжая оправдываться перед тигром и объясняя ему, почему он должен был лишить его свободы.

III

Встреча с тигрицей

Звездное небо искрилось над бескрайней тайгой. Стоял теплый, безветренный вечер. В лагере звероловов горело несколько костров.

Еще до сумерек боцман забился в свою палатку. Он даже не снял защитной сетки. Окутав голову марлей, моряк сидел у дымокура, то есть у треножника, где на проволочной жаровне горели кедровые шишки, от которых валил густой дым. Из глаз боцмана, раздраженных едким дымом, ручьями текли слезы, он ужасно потел, но с усердием римской весталки²⁰ подбрасывал шишки в огонь, чтобы тот не погас. Боцман заявил, что предпочитает скорее утонуть в собственных слезах, чем отдать себя на съедение проклятому гнусу. Поэтому он в одиночестве сидел в наполненной дымом палатке и из плоской бутылки глоток за глотком пил свой любимый ром.

Томек сидел в сторонке под деревом. Из-под полуприкрытых век он смотрел на лагерь, совсем не обращая внимания на тучи гнуса, бешено вертевшиеся в неподвижном, влажном воздухе. И лошади, и собаки жались к дымящим кострам;

²⁰ *Весталки* – жрицы богини Весты в Древнем Риме, которые поддерживали вечный огонь. Если бы этот огонь погас, по поверью, страну постигло бы несчастье.

их пугал жалобный вой тигрицы, время от времени доносившийся из глубины тайги.

Неспокойно себя вели и тигры, запертые в клетках. Они поминутно бились о решетки, отделявшие их от свободы. Томек прислушивался к гневному рычанию тигров и одновременно наблюдал за отдыхающими друзьями. Вильмовский о чем-то беседовал с сыновьями Нучи, Смуга занялся перевязкой псов, раненных во время охоты, а Павлов, заткнув уши ватой, уселся рядом с неотступным Удаджалаком у костра, как можно дальше от клеток с разъяренными тиграми. Нучи ни на шаг не отходил от четвероногих пленников. Он пытался успокоить их словами.

Томек машинально отгонял рукой гнуса, который лип к его лицу, выплевывал его изо рта и все больше внимания посвящал старому нанайцу. После утренней беседы со Смугой Томек не переставал думать о том, как спрятать в лагере Збышека после его освобождения из ссылки. Ему приходили в голову самые фантастические идеи, но ни одну из них он не мог признать подходящей. Томек посмотрел на Павлова. Сыщик руками закрывал уши и исподлобья недоверчиво поглядывал на сидящего рядом с ним Удаджалака. Как раз в этот момент Томеку пришла в голову блестящая идея. Взволнованный ею, он встал и подошел к старому нанайцу.

– Послушай, Нучи, может быть, разложить больше костров вокруг клеток? Сегодня ужасно много гнуса, – сказал он.

– Наша развела довольно костер. Это не гнус их раздра-

жает, – ответил нанаец. – Очень близко кружит мать амбы.
– А ты знаешь, где сейчас кружит тигрица?
Нанаец кивнул.

– Да, мы ее обидели, она тоскует по детям, – сказал Томек, наблюдая за выражением лица Нучи.

– Твоя хорошо говорит, – согласился следопыт. – Но наша любит малых амба и не обижает их. Наша дает есть, наша учит.

– Если бы тигрица знала это, она оставила бы нас в покое? – спросил Томек.

Нанаец буркнул что-то себе под нос и опять посмотрел в темную чашу тайги.

– Нучи, помоги мне найти тигрицу, – шепнул Томек.

– Нет-нет. Амба всегда очень-очень злой. Плохо будет с нами, – возражал Нучи.

Томек задумался, но вскоре ему опять пришла в голову какая-то идея, потому что юноша слегка улыбнулся и сказал.

– Если ты никому не скажешь, я доверю тебе тайну...

Заинтересованный Нучи наклонился к Томеку.

– Старый Нучи очень мало говорит, – заверил он юношу.

– Я обладаю тайной властью над дикими животными.

Умею взглядом делать их покорными.

Нанаец удивленно взглянул на Томека; хитро блестя глазами, ответил:

– Так пусть твои глазами говорит амбам в клетках, чтобы сидели тихо!

Томек пожал плечами и ответил:

– Если твои сыновья выполняют твой приказ, разве я могу мешать им в этом? А видишь! Молодые тигры отвечают на зов матери. Это тигрицу надо убедить, чтобы она перестала их звать. Я ей объясню, что ее детям здесь хорошо.

– Ты в самом деле можешь это сделать? – удивился нанаец.

– Веди меня к ней, и убедишься сам.

Старый следопыт еще минуту колебался, но наивное любопытство взяло верх над осторожностью. Он испытующе поглядел на юношу, словно видел его впервые. После короткого молчания сказал:

– Моя поведет тебя к амбе!

– Хорошо, Нучи, но то, что ты увидишь, ты должен будешь сохранить в тайне, пока мы не уедем из Сибири. Согласен? Обещай!

Нанаец кивнул в знак согласия.

– Ну, хорошо! Жди здесь меня, я скажу Смуге, что мы пойдем отогнать тигрицу.

Томек незаметно отозвал Смугу в сторонку.

– Я придумал, как нам спрятать Збышека в лагере, – шепнул он на ухо Смуге, держа его под руку.

– Лишь бы идея была хороша, – ответил Смуга. – Что же ты придумал?

– Слушайте внимательно...

Томек долго излагал Смуге свой план.

– Что вы скажете об этом? – закончил он.

– Ты застал меня врасплох своей идеей, – ответил Смуга. Он смахнул с лица гнуса и добавил: – Это совсем неплохая уловка, хотя на первый взгляд кажется довольно наивной. К счастью, царская полиция не обладает особой гибкостью ума.

– Значит, вы согласны?

– Черт возьми, я согласен! Мы и без того потеряли уйму ценного времени. Нам надо использовать благоприятные погодные условия для организации побега Збышека, так как потом суровая зима может помешать осуществлению наших планов. Послушай, Томек, надо испытать твой план.

– Испытаем, конечно испытаем!

Томек опять наклонился к уху Смуги.

– Ладно, согласен, берись за дело, но будь осторожен. Тигрица до крайности разъярена. Пожалуй, мне следует пойти с тобой, – шепнул Смуга.

– Нет, зачем же? Нучи может что-нибудь заподозрить.

Пожав руку другу, Томек снял штуцер, висевший на ветке дерева, тщательно проверил действие затвора и зарядил оружие. Следопыт ждал его у клеток с тиграми. За спиной нанайца висела старая берданка.

Следопыт двинулся вперед. Их сразу окружила черная таежная глушь. Зрение охотников медленно приспособлялось к царившей вокруг темноте. Из мрака стали выступать стволы мощных деревьев, бурелом и кусты. Старый нанайец шел легкими, неслышными, скользящими шагами. Время от времени он останавливался, прислушивался, иногда опускался на колени, прикладывал ухо к земле и менял направление. Томеку стало казаться, что они непрерывно бродят вокруг лагеря. Вскоре он уверился в этом, так как рычание тигров в клетках то удалялось, то приближалось.

Ночная ходьба по таежным дебрям порядком их измучила, поэтому Томек обрадовался, когда Нучи уселся на поваленный ствол дерева. Юноша сел рядом с ним.

– Наша ждать луны. Темно, наша амбы не видит, – шепнул гольд.

– Удастся ли нам ночью найти следы тигрицы? – тоже шепотом спросил Томек.

– Наша ничего не говорить, амба совсем близко.

Томек сразу умолк. Если старый следопыт не ошибается, необходимо соблюдать чрезвычайную осторожность. Томек стал прислушиваться. Одновременно он пытался различить что-нибудь в чаще леса.

Время тянулось медленно. Томек ловил ухом таинственные голоса, доносящиеся из темной глубины тайги. Ему слышались какие-то глубокие вздохи, бормотание, прерывистое рычание и странный шум. Вот где-то с треском повалилось дерево, плеснула вода в болоте, и опять воцарилась тишина. Вдруг руки Томека сжали штучер, лежавший на коленях. В кустах, как раз напротив него, на короткий миг блеснули две светящиеся точки. Томек собрался стрелять прямо с бедра. Значит, тигрица пришла! Если она еще раз выглянет из кустов, он выстрелит прямо между ее светящихся глаз. Но что это?! Голубоватые огоньки блестят чуть левее, другие появились с правой стороны, они бесшумно приближаются. Сердце сильнее забилося в груди юноши. Откуда здесь взялось столько тигров?!

Томек наклонился, приподнял ствол штучера. Почему Нучи молчит? Неужели он заснул? Томек взглянул на гольда. Следопыт спокойно сидел на стволе дерева, опершись плечами о сук. Старая берданка неподвижно лежала у него на коленях. Нанаец не спал; он смотрел вверх, на небо, просвечивающее сквозь ветви деревьев, словно вокруг ничего особенного не произошло.

«Он и в самом деле ждет, что я взглядом заставлю тигров слушаться», – промелькнула в голове Томека мысль. Чтобы вынудить суеверного нанайца отправиться на поиски тигрицы в тайгу, Томек пошел на обман, а теперь сам попал в расставленные собой сети! Он моментально понял, что не может рассчитывать на помощь следопыта.

Томек уже готовился вскочить на ноги, как вдруг мириады голубоватых искр засверкали вокруг. Они горели среди кустов, на ветках деревьев, блестели в воздухе, даже трава вокруг его ног искрилась, как ковер, усеянный бриллиантами.

Томек облегченно вздохнул и расслабил мускулы.

«Ах, пропади вы пропадом!» – мысленно выругался он и чуть было не расхохотался. Его испугали маленькие светлячки!²¹

Томек оперся спиной о дерево. Рукой вытер пот со лба. Взглянул на нанайца: не заметил ли тот, случайно, его ошибки и замешательства? К счастью, Нучи, подняв голову, любовался светящимися искрами, мелькавшими среди ветвей.

Светлячки несколько отвлекли Томека. Он следил за ними глазами, дивясь красивому любовному танцу маленьких жучков. Самки светлячков, как правило, не летают, они сидят в траве и привлекают поклонников своим ярким светом.

²¹ Жуки семейства мягкотелых (*Lampyris noctiluca* и другие виды). Самки и самцы этих жучков, а иногда даже их яйца, личинки и куколки способны светиться. Свечение происходит за счет быстрых химических реакций некоторых веществ, находящихся в телах жуков. По всей вероятности, свечение взрослых особей служит средством привлечения и обнаружения полового партнера.

Это было великолепное зрелище.

Филины (*Bubonidae*) отличаются главным образом пучком оттопыренных перьев над каждым ухом. Голова их велика и украшена значительными ушными пучками; клюв сильный, снабженный коротким крючком, ноги также сильные, высокие; пальцы толсты и вооружены кривыми когтями; крылья тупые, хвост короткий, усеченный; оперение очень густое и рыхлое. (А. Брэм. *Жизнь животных*, т. 2.)

Вдруг где-то вверху раздалось громкое «угу, угу, угу!».

Это был крик филина, которого в народе называют совиным царем. Издали донесся глухой топот копыт; вслед за ним слышался жалобный, стонущий рев оленя. Где-то, довольно близко, затрещали ветки, раздвигаемые его рогами. Светлячки исчезли так же внезапно, как и появились.

Нучи тревожно вздрогнул. Наклонился и стал прислушиваться.

– Амба идет... – шепнул он.

Томек весь превратился в слух. Где-то сзади затрещали кусты. Юноша рукой дал знак следопыту, осторожно встал на ноги и прислонился спиной к мощному стволу дерева. Нучи последовал его примеру. Шорох в кустах приближался. Вот неподалеку слышалось глухое ворчание, потом наступила долгая, тревожная тишина.

Охотники вперили взгляд в темную чащу. Позади них снова раздался чуть слышный шорох ветвей. Они повернулись лицом в сторону, откуда слышался шорох, и плотно прижались спиной к дереву.

– Мы не можем торчать здесь до утра. Надо что-то делать, – сказал Томек после длительного молчания.

– Теперь делать нечего; сейчас взойдет луна, – лаконично ответил нанаец.

Нучи дал добрый совет. Вскоре лунный свет начал проникать в тайгу, осветив пространство между деревьями. В серебристом тумане кустарники и стволы деревьев принимали странные очертания. Большие деревья в этом лесу стоя-

ли довольно редко, поэтому постепенно становилось светлее. Время тянулось медленно.

– Можно начать искать амбу, – отозвался Нучи.

Приготовив штуцер к выстрелу, Томек пошел вслед за следопытом, который почти бесшумно углубился в заросли кустов. Низко наклонившись, Нучи изучал следы вокруг деревьев. Руками осторожно раздвигал ветви кустов, внимательно рассматривая землю. Это продолжалось довольно долго. Томек уже начинал сомневаться в успехе ночного поиска, как вдруг Нучи опустился на колени. Он сосредоточенно ощупывал руками землю.

– Здесь прошел большой амба, пусть твоя хорошо смотрит! – тихо сообщил он.

Томек присел на корточки. Руками ощупал следы огромных лап тигрицы.

Нанаец был опытным следопытом. Он даже ночью не терял свежего следа зверя. Если след на твердой почве был не слишком ясным, Нучи глубоко втягивал носом воздух, нюхал кусты, которых могло коснуться животное, и, почуяв характерный запах, безошибочно находил след.

Томек был восхищен охотничьими способностями старого нанайца. Ведь и он умел находить следы животных в лесу, но не в таких сложных условиях.

Идя по следам, Нучи еще раз обошел вокруг то дерево, под которым они провели почти половину ночи. Это было еще одним доказательством того, что хищница кружила во-

круг них и наблюдала. Теперь Томек вовсе не был уверен, только ли светлячков он видел ночью.

Следы тигрицы вели в сторону лагеря звероловов, но потом снова возвращались назад. Двигаясь по этим следам, охотники сделали небольшой круг, а когда заметили поверх собственных следов свежие следы тигрицы, в страхе остановились. Не было сомнений: тигрица нарочно выманила охотников из удобного для защиты места и теперь кралась за ними.

Они поняли, что очутились в незавидном положении. Тигрица могла притаиться за любым деревом или кустом. Привычный к опасностям, Томек вскоре справился с волнением и преодолел подкравшийся было к сердцу страх. Ведь он только для того и уговорил нанайца отправиться в эту ночную экспедицию, чтобы встретиться с тигрицей с глазу на глаз.

Томек всадил приклад штуцера под мышку и положил палец на спусковой крючок. Он был готов. Взглянул на Нучи.

Следопыт стоял, чуть наклонившись вперед. Он прислушивался, обшаривая взглядом росшие вокруг кусты. Где-то там притаился хищник. Как видно, Нучи даже не собирался стрелять в тигрицу при нечаянной встрече с нею. Видавшая виды старая берданка спокойно висела у него за спиной. Вероятно, наивный, как ребенок, Нучи был уверен, что Томек в самом деле может взглядом обуздать дикое животное. Стоило Томеку глянуть на следопыта, как он сразу почувствовал

всю тяжесть ответственности за то, что должно было вот-вот произойти.

Томек тихо и осторожно подошел к Нучи.

— Ты свое сделал, теперь позволь действовать мне, — сказал он. — Иди следом за мной и, если увидишь амбу, тихонько толкни меня локтем.

В голосе Томека звучала такая требовательность, что старый следопыт, взволнованный необычностью положения, подчинился ему без возражений.

Томек пошел вперед... Шаг за шагом он прочесывал ближайшие кусты. Стволом шуцера осторожно раздвигал густые ветви, заходил почти за каждый кустик, но тигрицы нигде не обнаружил.

Нучи, заинтригованный, покорно шел вслед за Томеком.

Поиски не давали результата. У Томека медленно спадало первоначальное нервное напряжение. Вероятно, тигрица ушла отсюда, и можно было считать, что ночное приключение окончилось вполне благополучно. Правда, такой финал несколько осложнял выполнение задуманного плана, но Томек все же почувствовал облегчение.

Отказавшись от дальнейшего поиска, Томек остановился. Вдохнул всей грудью воздух и вдруг... почувствовал слабый запах животного. И в этот момент Нучи подал Томеку условленный знак.

Из-за огромной лиственницы показалась тигрица. Увидев преследователей, она остановилась как вкопанная. Несколь-

ко мгновений Томек и зверь смотрели друг другу в глаза. Потом тигрица наклонила голову, встряхнула ею, словно пыталась избавиться от человеческого взгляда, и выгнула спину, готовясь к прыжку.

В одно мгновение Томек вскинул штуцер.

По счастливому стечению обстоятельств опасная встреча произошла посреди небольшого участка, покрытого валежником. Это были стволы деревьев, поваленные бурей. Кустов тут почти не росло, и луна ярко освещала всю площадку, что позволило Томеку хорошо прицелиться. Когда темное тело тигрицы взметнулось в отчаянном прыжке в воздух, молодой зверолов уверенно спустил курок. Одновременно он плечом оттолкнул в сторону Нучи и отскочил сам.

Тигрица грохнулась на землю. Несколько мгновений ее тело содрогалось в конвульсиях, когти впивались в землю, потом все это прекратилось. Тигрица была мертва.

— Меткий выстрел, — вполголоса сказал Нучи. — Амба не послушалась твоих глаз?

— Нучи, я должен был стрелять, — оправдывался Томек.

— Амба не слушала, твоя стрелять. Твоя хорошо сделать, — признал старый нанайец.

Охотники уселись на пень дерева. Томек достал коробку папирос. В задумчивости он смотрел на следопыта. Первая часть плана выполнена как будто успешно, но Томек никак не мог заставить себя и дальше использовать легковереие честного Нучи. В Сибири, типичной царской колонии, никто не заботился о просвещении туземцев. Чем невежественнее они были, тем легче было заставлять их подчиняться царским чиновникам. Нанайцы, или гольды, как их обычно тогда называли, были жертвами царского самодержавия. Поэтому Томек все чаще приходил к мысли, что старому следопыту можно довериться. Старинная дружба нанайца с польским ссыльным, его враждебное отношение к сыщику Павлову вселяли уверенность в этом. Кроме того, Томек заметил, что подтрунивание боцмана Новицкого над царским агентом нравится нанайцу и он одаряет за это моряка своей симпатией.

После короткого размышления Томек перестал колебать-

ся. Он погасил ногой окурок папиросы и обратился к Нучи:

– Скажи мне, Нучи, что за человек этот Павлов?

Старый следопыт пожал плечами и лаконично ответил:

– Косой глаз – плохой глаз. Смотрит туда, смотрит сюда, слушает и пишет. Потом начальство говорит: преступника в тюремный замок!

– А ты не боишься, что я ему повторю твои слова?

Нанаец посмотрел Томеку прямо в глаза.

– Моя думает, твоя свой человек, – ответил он.

– Ты прав, Нучи. Я и мои друзья – враги белого царя и друзья всех, кого преследуют царские чиновники. Теперь я могу тебе сказать, что я должен сделать что-то такое, о чем не может знать Павлов. Но уверяю тебя, что мой поступок послужит хорошему делу. Хочешь ли ты мне помочь?

– Хороший человек – хорошее дело. Твоя скажет – моя сделает.

– Обещаешь, что никому ничего не скажешь?

– Твоя говорит, Нучи сделает и сразу забудет.

– Спасибо тебе, Нучи. Я был уверен, что на тебя можно положиться. Мы знаем, что ты беден. Ты тяжело работаешь за кусок хлеба. Я тебе дам сто рублей, думаю, они тебе пригодятся!

Томек стал расстегивать куртку, чтобы достать деньги. Старый нанаец насупился. Удержал руку Томека:

– Услуга другу, рубли – нет! Тайга-матушка кормит свой человек.

– Прости меня, Нучи. Я не хотел тебя обидеть, – воскликнул Томек, крепко пожимая твердую руку следопыта.

– Нучи тебе друг. Твоя скажет, моя сделает и забудет.

IV

Боцман попал в передрагу

Утро встало туманное. Юго-восточный летний муссон нес с побережья насыщенный влагой воздух. Вершины деревьев в тайге то и дело прятались в клочьях тумана, сквозь которые время от времени пробивались лучи солнца.

Ухудшение погоды привело боцмана Новицкого в хорошее настроение – он знал, что ветер прогонит надоедливо-го гнуса. На этот раз пришла очередь боцмана дежурить на кухне, поэтому он с удовольствием встал на рассвете, чтобы насобирать ягод лимонника для компота, которым намеревался угостить друзей после обеда. Он спокойно шагал по тайге, беззаботно помахивая ведерком. Оружия при нем не было, если не считать охотничьего ножа за поясом, – гневное рычание сидевших в клетках тигров далеко отогнало всякую дичь от лагеря охотников, и боцману казалось, что ему не может грозить опасность.

Вскоре он нашел в тайге кусты лимонника и стал срывать небольшие красные, похожие на рябину ягоды. Набрав с полведра, боцман решил отдохнуть. Он с удобством устроился на траве, опершись спиной о ствол дерева, достал из кармана трубку, набил табаком и закурил. Одиночество скоро надоело общительному моряку. Он привык к частым беседам

со своим другом Томеком Вильмовским, поэтому с некоторой обидой стал посматривать в том направлении, где, по его расчетам, находился лагерь. Поведение Томека в последние дни было боцману не очень понятно. Юноша стал молчаливым, сторонился товарищей, а если кто-нибудь пытался завязать с ним беседу, отвечал лаконично и лишь изредка обменивался многозначительными взглядами со Смугой.

«Что за муха его укусила?» – думал моряк.

Уже много лет они были неразлучными друзьями. Когда Томек учился в Лондоне, боцман почти ежемесячно навещал его. Они болтали в то время ночи напролет. Молодой друг поверял ему все свои думы, просил совета. Во время каникул, когда друзья принимали участие в совместных экспедициях, они почти не расставались, так как по настоянию старшего Вильмовского боцман оберегал Томека от опасностей охоты. Ничего удивительного, что боцман прекрасно знал все слабости друга и привязался к нему, как к родному сыну.

«Что-то лежит у него на сердце, это несомненно, но что? – пытался разгадать моряк. – Может быть, он тоскует по Салли? Нет-нет, дело, конечно, не в девчонке, в этом случае он обязательно обратился бы ко мне! Он знает, что в сердечных делах на меня можно положиться. Если такой умный и расторопный парень угрюмо молчит и предпочитает одиночество, то ясно как день что дело здесь серьезное».

Раздумывая так, боцман достал из кармана плоскую буты-

лочку рома. Потянув из нее солидный глоток, моряк тяжело и грустно вздохнул.

«Что-то у нашего паренька кроется за пазухой? – продолжал размышлять боцман. – Ого, чувствую, что у меня по-светлело в башке! Мы уперлись носом в тайгу, ловим своих тигров, а царский шпик, приставленный к нам исправником, следит за нами и всюду тычет свой нос. Тем временем Збышек сидит в Нерчинске, куда мы не можем попасть без особого разрешения губернатора. Тьфу, черт возьми! Не хотел бы я очутиться на месте Смуги! Он у нас главный, на нем – вся ответственность. К счастью, это стреляный воробей, его на мякине не проведешь! Если он втайне переглядывается с Томеком, то, ни дать ни взять, они что-то задумали. Ого! Наше сокровище в самом деле достойно занять место среди испытанных хитрецов! Сколько раз его удивительные выдумки спасали нас от беды! Ну уж если они столь упорно молчат, видимо, так и надо – мой папаша всегда говорил: «Тише едешь – дальше будешь!»

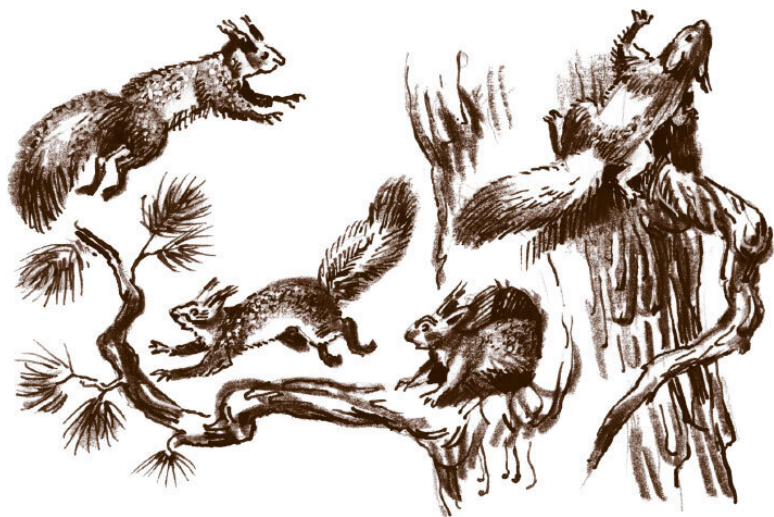
Довольный своей догадливостью, боцман еще раз достал из кармана заветную бутылку ямайского рома.

«Ничто так не проясняет голову, как ром», – буркнул он, смакуя излюбленный напиток. Моряк вторично набил табаком трубку, и вскоре его окружили клубы табачного дыма. Легкий шум ветра в вершинах деревьев стал навевать на боцмана дремоту. Он прислонился головой к дереву и закрыл глаза. Но вот ему послышался шорох, исходивший откуда-то

изнутри древесного ствола. Заинтересованный боцман стал внимательно прислушиваться. Внутри дерева что-то шуршало. Боцман открыл глаза и посмотрел вверх.

Почти над самой его головой в стволе дерева чернело дупло, вокруг которого вилась струйка табачного дыма, улетающего из трубки боцмана.

«Стодохлых китов тебе в зубы! Неужели я своей трубкой разбудил в дупле какое-то свинство?» – встревожился боцман.

Он вскочил с земли, срезал ножом длинную ветку можжевельника и, недолго думая, воткнул ее в отверстие дупла. Ре-

зультат был похож на тот, какой бывает, если всадить палку в муравейник. Оказалось, что в дупле находилось гнездо каких-то юрких зверьков. В испуге они выскакивали из дупла и, махая пушистыми хвостами, ловко взбирались на верхние ветки дерева. В первый момент боцман принял их за белочек, но их густой пепельный мех отличался от привычного рыжего цвета.

«Чтоб меня тайфун унес! Судьба послала мне великолепный мех для подарка Салли, а я позволил ему улизнуть!» – выругался боцман, разочарованно глядя на исчезающих в ветвях пепельных белок. Увидев собственными глазами полтора десятка грызунов, выскочивших из одного гнезда, боцман поверил теперь Нучи, который как-то похвастался, что его сыновья добывают по пятьдесят и больше беличьих шкурок за одну охоту.

Красавицы-белки напомнили о последних событиях, участие в которых принимал старый Нучи, поэтому боцман опять уселся и продолжил свои размышления. Вечером того дня, когда был пойман четвертый тигр, Томек и Нучи отправились на таинственную прогулку по тайге, желая прогнать тигрицу, бродившую вокруг лагеря. Ночная стрельба подняла на ноги всех его обитателей. Вильмовскому пришлось сделать выговор смельчакам за то, что они без его разрешения отправились на опасную прогулку. Именно тогда Смуга заявил, что время уже кончать ловлю тигров, так как пора выезжать в район Благовещенска, где в приамурских поймен-

ных лесах и на заливных лугах водится множество разной экзотической птицы. Звероловы намеревались пополнить коллекцию птиц Гагенбека чучелами сибирских пернатых.

Все участники экспедиции обрадовались перспективе переезда в район крупного сибирского города. Но поводы для радости у них были разные. Конечно, охота на птиц была для Томека и его друзей лишь благовидным предлогом, чтобы подъехать поближе к Нерчинску. Они радовались, что кончится вынужденное безделье и начнется настоящее дело, ради которого они сюда и приехали, то есть освобождение несчастного Збышека. Для сыновей Нучи, всю жизнь проводивших в дремучей тайге, поездка в город была интересным событием, а Павлов мог при случае подать начальству рапорт и получить дальнейшие инструкции. Один лишь Нучи отнесся к известию равнодушно; он даже попросил несколько задержаться. Перед отъездом на запад ему надо было отправить домой собак, израненных тиграми, и вместо них взять других.

На рассвете следующего дня Нучи оседлал лошадей и, захватив собак, отправился в путь. Теперь охотники ждали его скорого возвращения.

«За успех нашего дела!» – сказал про себя боцман, сделав глоток рома. Вскоре моряк крепко заснул.

Настойчивое глухое воркование и полет лесных горлиц разбудили распростертого на траве боцмана. Он лениво приоткрыл глаза. Горлицы как раз исчезли в кустах, как вдруг

какой-то коричневато-рыжий зверек в своем отчаянном беге перепрыгнул через боцмана, даже перекувыркнувшись у него на груди. Боцман в испуге вскочил на ноги и увидел, как заяц-беляк²² исчез в зарослях лимонника.

«Что они, с ума посходили, эти животные? – удивленно пробормотал боцман. – Сегодня они сами лезут мне в руки».

Но удивление боцмана быстро сменилось беспокойством: взглянув в сторону, откуда на него выскочил заяц, боцман увидел двух резвящихся медвежат.

«Ого, черт возьми! Медвежьи детишки готовы позвать ко мне в гости свою мамашу!» – подумал боцман, разглядывая ближайшие кусты.

Вдруг он замер на месте, его правая рука машинально коснулась ножа, торчавшего за поясом, и крепко сжала рукоятку. В кустах малины бушевала огромная медведица. Мощными лапами она пригибала ветки или становилась на задние лапы, чтобы достать спелую ягоду.

Боцман медленно припал спиной к стволу дерева. Он сидел неподвижно, утешая себя словами Смуги, который как-то уверял, что даже самый сильный медведь нападает на человека только тогда, когда тот его ранит или атакует. Но бе-

²² Заяц-беляк (*Lepus timidus*) отличается от других зайцев способностью менять окраску меха. Из коричневато-рыжего летом заяц-беляк становится снежно-белым зимой. Изменение цвета происходит за счет осенней и весенней линьки и появления шерсти нового цвета. Зайцы-беляки распространены в северных областях Старого Света. Многочисленные их виды встречаются в Швеции, на севере России, в Ирландии и в Северной Азии.

жать тоже было нельзя. Это могло только ухудшить положение. Медведица, несмотря на кажущуюся неуклюжесть, легко догонит самого быстрого бегуна. Вступать с медведицей в единоборство с ножом в руках тоже не было смысла. Боцман сидел перед огромным, отличающимся недюжинной силой зверем почти безоружным. Правда, ему приходилось слышать, что некоторые сибирские охотники вступали в борьбу с медведем один на один, причем совали ему в пасть обмотанную шкурой левую руку, а правой вбивали медведю под лопатку длинный, острый нож, но такая охота требовала большого опыта. Малейшая неосторожность могла повлечь за собой ужасную смерть! Боцман не был трусом, и поэтому, несмотря на явное преимущество медведицы, он сжимал в руке рукоятку охотничьего ножа.

Однако медведица не обращала внимания на человека, сидевшего без всякого движения под деревом, но вот резвящиеся медвежата постепенно к нему приближались.

Наблюдая за веселой возней медвежат, боцман в сердцах буркнул: «Чтоб их тайфун унес! Эти малыши готовы втянуть меня в паскудное дело!»

Тем временем медвежата, обхватив друг друга передними лапами наподобие цирковых борцов, очутились совсем ря-

дом с боцманом. В азарте борьбы они внезапно подкатились прямо к его ногам. На лбу моряка проступили крупные капли пота, но он продолжал неподвижно сидеть. Вдруг один из медвежат, которого братишка довольно сильно ущипнул за ухо, жалобно пискнул. Огромная медведица повернула к нему свою косматую голову. Потом она тяжело опустилась на все четыре лапы и медленно направилась к детенышам. Из-под полусомкнутых век боцман наблюдал за колышущейся поступью бурого животного.

В конце концов медведица увидела человека. Возможно, это была ее первая встреча с неизвестным существом, потому что она от изумления даже остановилась и встряхнула головой, склоненной к земле. Послышалось глухое рычание и бормотание. Услышав гневный голос матери, медвежата прекратили свою возню. Быстро и ловко подбежали к ней. Медведица обнюхала детенышей, мордой подтолкнула одного из них к зарослям малинника, второго погнала туда же ударом лапы по задку и, не удостоив боцмана взглядом, побежала вслед за медвежатами.

Несколько минут боцман продолжал сидеть неподвижно. Потом медленным движением руки достал из кармана бутылку рома. Одним духом опорожнил ее до дна. Глубоко вздохнул.

«Тьфу, ко всем чертям! Меня словно паралич хватил! – буркнул он. – Видать, не суждено мне кончить жизнь в медвежьем брюхе. На этот раз все сошло благополучно, но больше я в тайгу без ружья не пойду!»

Он смахнул рукой пот со лба. Тяжело поднялся на ноги, взял ведро с ягодами лимонника и, слегка покачиваясь, как ходят все моряки, направился в лагерь. Вскоре он был уже у палаток.

– Куда же это все разошлись? – обратился он к Смуге, оглядывая опустевший лагерь.

Смуга прервал ощипывание рябчиков и ответил вопросом на вопрос:

– А где же это пропадали вы, уважаемый боцман? Кто сегодня должен дежурить на кухне?

В общем, **бурый медведь** представляет солидную фигуру – около сажени [2,10 м] и больше длиной, при полутора аршинах [примерно 1,1 м] высоты; весит он иногда до 20 пудов [более 300 кг]. При первом взгляде на эту грозную тушу кажется, что видишь перед собой самое неуклюжее и косолапое животное. Однако

такое заключение было бы крайне ошибочно. Несмотря на свою кажущуюся неловкость, медведь выказывает в случае нужды замечательное проворство и прыткость. Он отлично бежит, так что только быстроногие косули, олени и серны могут избежать его когтей. Далее, он превосходно взбирается на гору, чему способствует длина его задних ног; с горы же спускается медленно, так как иначе может легко перекувыркнуться через голову. Кроме того, он недурно плавает, искусно лазает на деревья и, наконец, несмотря на грузность своего тела, легко может делать огромные двухсаженные прыжки. (А. Брэм. *Жизнь животных*, т. 1.)

– Я ходил собирать ягоды для компота... – оправдывался боцман.

– И при случае вздремнули под деревом? – добавил Смуга.

– Это правда. Случилось со мной такое дело, но откуда вы знаете?

– Если принять во внимание количество трофеев и длительность вашего отсутствия, нетрудно об этом догадаться, – с иронией ответил Смуга.

– Оставшись в одиночестве, я кое о чем задумался, и на меня напала сонливость, но вы не волнуйтесь, я на раз-два приготовлю обед. Вижу, что вы постарались раздобыть рябчиков. Это весьма вкусная птица, прямо-таки лакомство!

Рябчик (*T. bonasia*) окрашен на верхней стороне тела в ржаво-сероватый цвет с белыми пятнами; на кроющих перьях крыла замечаются белые продольные полосы; маховые перья серовато-бурые; рулевые – черноватые. Область его распространения простирается от Пиренеев до Полярного круга и от Атлантического до Тихого океана. Он предпочитает горы равнинам, но и на горах живет постоянно лишь в известных местах; обширные смешанные леса следует считать его любимым местопребыванием; в сплошных хвойных лесах он встречается редко. Рябчик любит прятаться и поэтому малозаметен; лишь изредка удастся видеть его перебегающим через полянки от куста к кусту, а иногда на толстых сучьях дерева <...>. Найти гнездо рябчика чрезвычайно трудно; место для него выбирается с

необыкновенной осмотрительностью, и самка при приближении врага не спархивает и не убегает, отводя охотника от гнезда, но тихо прокрадывается, часто прикрыв предварительно яйца подстилкой. (А. Брэм. *Жизнь животных*, т. 2.)

– Нет, это не я подстрелил рябчиков. Их привез Нучи, – сказал Смуга.

– Неужели он вернулся во время моего отсутствия? А куда делись остальные?

– Нучи приехал час тому назад. Уговорил всех отправиться поохотиться на изюбров²³, которых он обнаружил вблизи лагеря. Я тоже охотно пошел бы с ними, но кому-то следовало остаться в лагере.

– Да, значит, мы наконец отправимся в Нерчинск, – обрадовался боцман.

– Завтра начнем сборы, – подтвердил Смуга.

– Вот и у нашего Томека улучшится настроение. В последнее время он совсем похудел с тоски и даже говорить стал меньше. Как вы думаете, удастся ли нам освободить того беднягу?

– Ведь это единственная цель нашего приезда в сибирскую глушь. Мы сделаем все, что от нас зависит, чтобы освободить Збышека.

– Лишь бы нам посчастливилось! У меня прямо сердце на

²³ Изюбрь (*Cervus elaphus xanthopygus*) – восточноазиатский настоящий олень, подвид благородного оленя.

части разрывается, когда я вижу Томека опечаленным. Замечательный паренек! Хорошо, что он пошел на охоту, это его развлечет. Ну, если уж нам удастся заполучить ссыльного в свои руки, то мы никому его не отдадим.

– Говорите тише, боцман. Хотя мы тут и одни, но никогда не знаешь, где скрывается опасность, – предупредил Смуга.

– Вы правы, конечно правы! Однако говорить шепотом среди такого шума прямо-таки невозможно. Почему животные в клетках сегодня ведут себя так беспокойно? Взбесились они, что ли?!

Боцман некоторое время внимательно рассматривал клетки с находившимися в них тиграми. Действительно, животные вели себя беспокойно, громко рычали и бились своими полосатыми телами о прутья клетки.

– Хорош из вас укротитель, нечего сказать! Вы плохо играете свою роль, слишком мало занимаетесь тиграми, – заметил Смуга. – Вы должны больше интересоваться животными, иначе можете возбудить подозрение у агента. Помните о том, что он за всеми нами внимательно наблюдает!

– Значит, я плохо играю свою роль – не так ли?! Но идея сделать из меня укротителя тоже несуразная, – возмутился моряк. – Вы же знаете, что я не люблю возиться со скотиной.

– Любите, не любите – дело ваше. Но нельзя подвергать нас опасности из-за всяких капризов. Животные волнуются, потому что Томек наверняка не дал им свежей воды.

– Вы, пожалуй, ошибаетесь. Наш паренек любит иногда

пошалить, но за тиграми он ухаживает, как нянька за детьми во время прогулки по Саксонскому саду²⁴.

– Спешил на охоту – мог и забыть, – сказал Смуга. – Проверьте, боцман, есть ли у них вода!

Моряк направился к клеткам с животными.

– Действительно, ведра совсем пустые, – пробурчал он под нос; схватил одно из ведер и побежал к ручью.

Вскоре он наполнил поилки в двух клетках и присел на корточки перед третьей.

– У тебя же еще есть вода, чего же ты мечешься по клетке как полоумный? – ворчал моряк, заглядывая в клетку сквозь прутья.

Он наблюдал за поведением разъяренного животного. Тигр беспокойно метался из угла в угол, бился боками о прутья клетки и гневно рычал.

– Влепить бы тебе кусок свинца в башку, сразу бы успокоился, – сказал боцман.

В этот момент тигр внезапно прыгнул на прутья клетки. Боцман быстро отпрянул.

– Можно подумать, что бестия понимает человеческую речь, – удивился моряк. – Отойди-ка, а то оставлю тебя без воды и будешь сидеть с языком, вывешенным до земли!

Тигр несколько отступил. Боцман подошел к клетке, наклонил ведро, чтобы долить воды в поилку, как вдруг тигр подскочил и ударил лапой по посудине с такой силой, что во-

²⁴ Речь идет о Саксонском саде в Варшаве.

да брызнула укротителю в лицо. От неожиданности боцман выпустил ведро из рук. Наклонив голову, он стал вытирать мокрое лицо.

Пораженный этим происшествием, боцман долго не мог выговорить ни слова. А тем временем тигр просунул между прутьями решетки лапу и стал отодвигать задвижку, которой была заперта дверь клетки.

«Что это, с ума я сошел или пьян?» – подумал боцман, шаг за шагом отступая от клетки.

Тигру удалось отодвинуть задвижку и отворить дверь. Полосатая бестия выскользнула из клетки. Одним прыжком боцман очутился возле дерева, на ветке которого висела винтовка, схватил ее, прицелился и спустил курок. Металлический щелчок бойка, ударившего в пустоту, свидетельствовал о том, что винтовка не заряжена.

– Будьте осторожны, Ян! – крикнул боцман, отбрасывая бесполезную винтовку. В его руке блеснуло лезвие охотничьего ножа.

Но тигр не спешил нападать на отважного охотника. Он медленно встал на задние лапы и сказал человеческим, очень знакомым боцману голосом:

– Не бойся, морячок, я тебя не съем, хотя у меня в кишках уже давно урчит от голода!

Смуглое лицо моряка посерело от возмущения. Он выпрямился и вложил нож в ножны. Из-под шкуры тигра показалось лицо Томека.

Проглотив набежавшую слюну, боцман процедил сквозь зубы:

– Ну-ну, неплохо вы позабавились на мой счет!

– Мы приносим вам свои извинения, боцман, и клянемся, что это вовсе не была шутка, – серьезно сказал Смуга. – Это была генеральная репетиция, попытка выяснить, можно ли укрыть ссыльного в клетке, надев на него тигровую шкуру.

– Превосходно! Попытка увенчалась успехом! – восклицал Томек, сбрасывая с себя тигровую шкуру. Он подбежал

к изумленному моряку, обнял его, потом проделал то же со Смугой и спросил: – Довольны ли вы?

– Конечно, Томек! – ответил Смуга. – Если нам удалось провести такого молодца, как боцман, то можно считать твою идею выдержавшей самый суровый экзамен.

– Павлов побоится подходить к клеткам, – говорил Томек. – Другое дело – боцман! У меня мороз пробежал по коже, когда он схватил винтовку, а потом достал нож. Даже настоящий тигр мог бы испугаться.

Чувствительный к лести моряк посветлел лицом и буркнул:

– Ну что ж, раз дело обстоит так, я не могу на вас сердиться. Чтобы освободить несчастного ссыльного, я охотно дам обмануть себя несколько раз. Но вы молодцы что надо! Действительно, фокус с тигром – это первоклассная идея! Если такой опыт провести с этим подлецом Павловым, его кондрашка на месте хватит! Я уж было решил, что сегодня вся дикая скотина на меня ополчилась. Если бы не медвежата, то я мог бы подумать, что и медведица в тайге была переодета...

– А что, у вас была какая-то встреча с медведями? – поинтересовался Томек.

– Да так, ничего особенного, сушая мелочь! При случае расскажу. Но откуда вы достали шкуру?

– Томек убил тигрицу, бродившую вокруг нашего лагеря, а Нучи под предлогом, будто отводил домой раненых собак,

взял ее к себе и выделал как надо, – пояснил Смуга.

– Наверное, это было тогда, когда ты ночью стрелял в тайге, а твой уважаемый папаша потом ругал тебя за это, – догадался боцман. – Но в таком случае вы должны были посвятить в тайну Нучи. А что будет, если он нас предаст?!

– Успокойтесь, во-первых, я сказал ему не все. Во-вторых, это верный человек и не меньше нас ненавидит жандармов.

– Конечно, это человек, достойный доверия, раз Серошевский говорил о нем твоему отцу, – сказал Смуга.

– Думаю, что вы правы, я тоже знаю Серошевского, – похвалился боцман. – Еще подростком, в Варшаве, я работал учеником слесаря в железнодорожных мастерских. Там я видел Серошевского и Варынского²⁵, когда они вели агитацию в пользу социализма. Каждый из них был, пожалуй, не старше восемнадцати лет, а говорили они как профессора. Башковитые парни и настоящие патриоты!

²⁵ *Варынский, Людвиг-Фаддей* (1856–1889) – участник революционного движения в России, один из первых польских социалистов.

Серошевский, Вацлав Людвигович (1858–1945) – российский этнограф-сибириевед польского происхождения, писатель, публицист, участник польского освободительного движения. За революционную деятельность был сослан в Якутию в 1879 году, где провел 12 лет. Собирал этнографические материалы, в 1896-м издал научный труд «Якуты. Опыт этнографического исследования», получивший премию Императорского Русского

географического общества.

– Вот поэтому царь их и преследует, – добавил Томек. – Ну-ну, боцман, я и не подозревал, что у вас такие выдающиеся знакомые! Вацлав Серошевский из ссыльного превратился в писателя и заслуженного исследователя Азии, а Людвиг Варынский за то, что основал первую польскую рабочую партию, вместе с пятью товарищами был приговорен к виселице.

Боцман печально покачал головой и сказал:

– Я прекрасно помню судебный процесс членов партии «Пролетариат», на котором судили Варынского. Хотя тогда ему удалось избежать смертной казни, он все равно погиб в тюрьме. А вот Серошевскому повезло! Он пятнадцать лет прожил в Сибири! Мне даже приходилось читать его книгу о якутах, за которую царь разрешил ему вернуться на родину. Ну, если Серошевский рекомендовал Нучи твоему отцу, то, пожалуй, следопыту можно доверять.

– Я, конечно, предпочел бы не посвящать чужих в наши планы, но в этом положении помощь Нучи может быть нам очень полезна.

– Если бы вы слышали мою беседу со старым следопытом, вы перестали бы опасаться. Я ему верю! – горячо убеждал друзей Томек.

– Не возражаю, на союзников у тебя есть нюх, – согласился боцман.

– Ну, друзья! Довольно разговоров! – прервал их беседу

Смуга. – Скоро могут вернуться наши. Давайте примемся за работу! Томек, ты хорошенько спрячь тигровую шкуру во व्यюках, а вы, боцман, готовьте обед, а то мы все порядком проголодались.

Вскоре из котла, подвешенного над огнем, поплыл аппетитный запах. Боцман с поварешкой в руках просто двоился и троился, готовя обед и одновременно забрасывая друзей вопросами.

– Хитро это вы придумали, ничего не скажешь! – вполголоса говорил он. – Сидя в клетке, Збышек сможет с успехом разыгрывать тигра, но даже Павлов сразу начнет сомневаться, если у нас появится новый тигр, которого мы не поймали. Как мы ему это объясним?

– Павлов ничего не заметит, потому что мы украдкой выпустим одного настоящего тигра из клетки, – пояснил Томек.

– Хорошо, боюсь только, долго ли выдержит Збышек в этой шкуре. Не задохнется ли он в ней.

– Ну, придется ему некоторое время помучиться, – ответил Томек. – Как только мы спрячем Збышека в клетку, сразу же свернем лагерь и отправимся в Хабаровск, погрузим там животных в отдельный товарный вагон, где будем посменно дежурить. Никого из чужих туда не будем пускать, поэтому Збышек почувствует себя как на свободе.

– Правда-правда, мне это не пришло в голову, – обрадовался боцман. – А если во время остановки кто-нибудь станет совать нос в наши дела, то я палкой подразню настоящих

тигров и те так зарычат, что у любопытного поджилки затрясутся.

В таких беседах и фантастических предположениях время проходило совсем незаметно. В конце концов боцман ударил ложкой по сковороде и заявил, что обед готов.

– Что-то наши долго не возвращаются, – сказал Томек, с нетерпением поглядывая на дымящийся котел. – Я проголодался и не знаю, стоит ли нам их ждать.

– Думаю, что твой отец и Удаджалак нарочно тянут с возвращением, чтобы предоставить нам больше времени на пробу с переодеванием. Боцман, давайте обед, потому что и мне захотелось есть, – ответил Смуга.

– Будем есть, да поскорее, потому что скоро дождь зальет огонь, – заявил боцман, с тревогой глядя на небо. – Лишь бы только наши успели вернуться до бури!

– Вы думаете, будет буря? – встревожился Томек, расставляя на столе жестяную посуду. – По-моему, ничто не указывает на перемену погоды.

– Что может знать о погоде такая сухопутная крыса, как ты? – свысока ответил Томеку боцман. – Помни, браток, что у матросов глаза и нос лучше любого барометра. Я чувствую резкое изменение давления. Из-за леса мы не видим горизонта и не замечаем той черной тучи, которая быстро заволакивает южную часть неба. Приближается буря, притом немалая!

Друзья быстро съели фасолевый суп и рагу из рябчиков

с ржаными сухарями и салом и стали проверять крепления палаток, затягивая ту же узлы расчалок²⁶, которые были привязаны к колышкам, вбитым в землю. Потом охотники согнали лошадей, привязали их веревками к телегам, а котлы с супом вкопали в землю в центре самой большой палатки.

Не прошло и часа, как резкий порыв ветра пронесся по тайге; верхушки деревьев закачались. Трое друзей ежеминутно с тревогой смотрели в южном направлении, откуда должны были прийти их товарищи. Успеют ли они вернуться до бури? В этой части азиатского континента в конце лета мощные теплые массы воздуха, дующие с моря, часто встречаются со слабыми холодными потоками воздуха, формирующимися над континентом. Образуется район низкого давления, называемый циклоном, причем ветры дуют к этому району со всех сторон в направлении, противоположном движению часовой стрелки. Циклоны, несущиеся с юга на север, приносят сильные ливни и порывистые ветры, которые иногда причиняют серьезный ущерб всему вокруг. Во время такого циклона очень опасно находиться в тайге, потому что ураганный ветер валит деревья на больших площадях.

В лесу внезапно потемнело, хотя до заката солнца было еще довольно далеко. Небо покрылось черными тучами. Ветер усилился.

²⁶ *Расчалка* – тонкая крепкая веревка, оттянутая в каком-либо направлении для соединения частей конструкции в определенном положении.

– Как вы думаете, Смуга, не стоит ли привязать клетки с тиграми к деревьям? – воскликнул боцман.

– Почему они так долго не возвращаются? – тревожился Томек, подготавливая веревки. – Лишь бы с ними не произошло ничего плохого в тайге во время бури!

– Не бойся, с ними Нучи, а он их в обиду не даст, – утешил его Смуга.

– Я согласен с вами, но все-таки было бы лучше, если бы они уже вернулись, – тяжело вздыхая, сказал Томек.

Не успели они как следует укрепить клетки, как порывы ветра донесли к ним из глубины тайги звуки выстрелов.

– Это наши! Они пытаются укрыться от бури, покажем им направление! – крикнул Томек.

Товарищи побежали к палаткам за винтовками. Через минуту раздались три залпа, один за другим. Им ответили выстрелы в тайге, уже значительно ближе.

Черную тучу на небосклоне прорезала яркая молния. При ее свете три наших друга увидели свору собак и группу всадников, выезжающих из леса на поляну.

– Если бы не Нучи, мы ни за что не нашли бы лагеря! – воскликнул Вильмовский, соскакивая с лошади.

– Наконец-то вы вернулись, а мы уже беспокоились о вас, – говорил обрадованный Томек, помогая отцу расседлать лошадь.

Вильмовский обнял сына и, интересуясь событиями, происшедшими во время своего отсутствия, шепотом на ухо

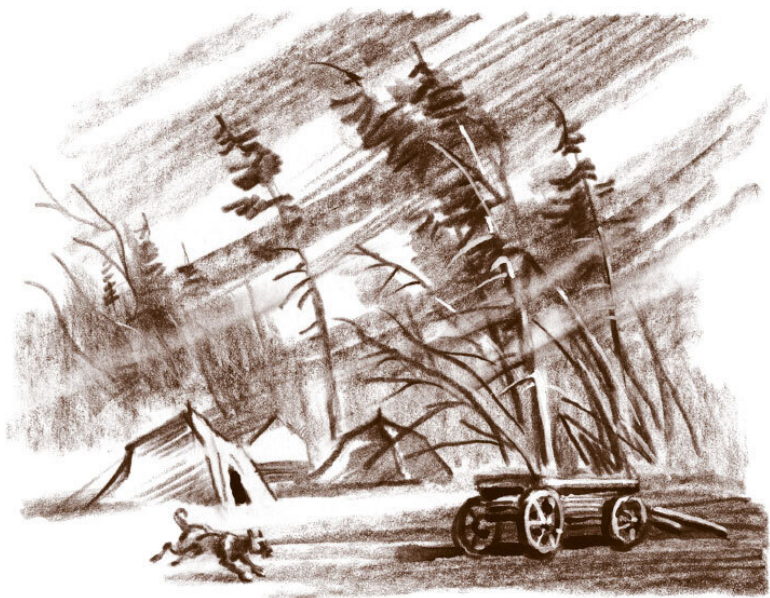
спросил:

– Ну, как получилось с тигром?

– Очень хорошо, папа, – ответил юноша, обнимая отца.

Вильмовский удовлетворенно улыбнулся.

На поляну упали первые крупные капли дождя. Глухой гром прокатился с юга на север. Ветер задул с силой урагана. Он рванул кроны деревьев, стал сгибать столетние стволы. Прорываясь между деревьями, ветер свистел и выл; иногда на минутку переставал дуть, словно собирался с силами, но потом с удвоенным бешенством ударял по тайге. Девственный лес мужественно сопротивлялся буре. Тайга судорожно впивалась корнями деревьев в землю, подставляя ветру стройные, гибкие стволы. В лесу то и дело раздавались раскаты грома, слышался жалобный вой ветра, который порой превращался в оглушительный грохот, когда на землю падало сломленное бурей дерево.

Пожалуй, сразу три грозные стихии объединились, чтобы уничтожить тайгу. Ураган рвал ее, как когтями, гнул деревья до самой земли, ливень вымывал землю из-под корней деревьев, а молнии жгли их огнем. Тайга дрожала от страшных ударов, деревья клонились к земле, но после каждого удара поднимались вновь и бесчисленными вершинами, словно копьями, грозили разгневанному небу.

Для охотников это была тяжелая, тревожная ночь. К счастью, лес, окружавший лагерь, ослаблял удары вихря. Все же им пришлось до рассвета спасать имущество, потому что ве-

тер срывал палатки, переворачивал телеги, поднимал в воздух лагерное оснащение и утварь.

Буря утихла только к утру; ветер ослабел, ливень превратился в мелкий дождь.

Измученные звероловы кое-как привели лагерь в порядок и легли отдохнуть.

V

Капитан Некрасов

Караван звероловов три дня пробирался через размокшую после ливня тайгу, пока добрался до левого берега Амура²⁷, четвертой по величине реки Сибири. Смуга распорядился разбить лагерь у небольшой речной пристани, к которой причаливали суда, чтобы пополнить запас дров, необходимых в те времена для растопки судовых котлов.

Путешествовать на пароходе по реке было значительно удобнее, чем трястись на телегах по плохим дорогам. Во-первых, во время такого путешествия можно было присмотреть и выбрать на берегу реки подходящее под лагерную стоянку место, во-вторых, добыть пищу для тигров и корм для лошадей, потому что пароход по требованию путешественников можно было остановить в любом месте.

²⁷ *Амур* – река в Восточной Азии и на Дальнем Востоке. Образуется слиянием рек Шилка и Аргунь. Амур впадает в обширный Амурский лиман Татарского пролива, соединяющего Охотское и Японское моря. Длина Амура от слияния Шилки и Аргуни – 2824 км. По площади бассейна (1843 тыс. кв. км) Амур занимает 10-е место среди речных бассейнов мира и 4-е место в Сибири (после Енисея, Оби и Лены). Китайское название Амура – Хэйлунцзян (Река черного дракона), а также Хэйхэ (Черная река).

Речная пристань состояла из небольшой дощатой платформы, уложенной на трех старых баркасах. Рядом с пристанью на берегу стояло несколько жалких шалашей, покрытых кедровой корой, в которых ночевали китайские рабочие, заготавливающие и грузившие дрова на суда. Речные пароходства часто нанимали жителей соседней Маньчжурии для рубки леса, так как жившие на берегу Амура шилкинские, амурские и уссурийские казаки неохотно брались за эту работу.

От китайцев наши охотники узнали, что завтра ожидает-

ся прибытие двух пароходов: вниз по реке пойдет пассажирско-грузовой, а вверх – почтово-пассажирский.

Это не очень обрадовало путешественников; экспедиции нужен был простой грузовой пароход, идущий вверх по реке порожняком. Поэтому звероловы решили ожидать вблизи пристани более удобного случая.

Нучи и его сыновья вместе с Удаджалаком занялись устройством лагеря, а белые охотники, воспользовавшись вынужденным отдыхом, завели знакомство и беседы с китайскими рабочими.

Те трудились весь день, от восхода до заката солнца, валяли деревья в тайге, пилили их на дрова необходимой длины, кололи, укладывали на берегу возле пристани и грузили на остаавливающиеся суда. Стремясь отложить на черный день кое-что из нищенских заработков, они добывали себе пищу кто как умел. Поэтому короткие минуты отдыха уходили у них на ловлю рыбы, которой – к счастью для прибрежных жителей – в Амуре и его притоках насчитывается более ста видов²⁸.

Благодаря щедрости Амура китайцы питались широко распространенными тут миногами, тайменями, линками, амурскими хариусами и встречающимися в Амуре рыбами из семейства карповых – амурским сазаном, а из сомовых – касаткой-скрипуном и китайским змееголовом, осетровыми

²⁸ Для сравнения можно напомнить, что в реках волжского бассейна обитает примерно 70 видов рыб.

рыбами Амура: амурским осетром и калугой²⁹.

Несмотря на это, бедные кули бывали сытыми, только когда начиналась путіна лососевых³⁰, то есть период хода рыбы из моря к истокам рек на икрометание. Из Охотского моря шла кета, из Японского – горбуша. Огромное количество рыбы во время путины перемещалось на расстояние от 500 до 1000 километров вверх по Амуру и его притокам вплоть до мелких горных ручьев. В это время рыбу можно было ловить даже руками. После нереста почти вся рыба погибала, вода выбрасывала мертвую рыбу на мели, где она гнила и удобряла почву.

Во время путины почти все жители прибрежных селений превращались в рыбаков. Жители Приамурья готовили запасы сушеной рыбы, которая служила им пищей. Вблизи селений по всему берегу Амура тогда расставлялись длинные ряды специальных заборов, увешанных блестящими розовато-желтыми полосами лососины.

Китайцы на берегу, одетые в латанные голубые куртки, штаны и шляпы, сделанные из бересты, любезно давали путешественникам объяснения на ломаном русско-китайском жаргоне.

Сообщение кули подтвердилось. Еще до полудня к при-

²⁹ Амурский осетр (*Acipenser schrenki*) и калуга (*Huso dauricus*) относятся к семейству осетровых и являются эндемичными породами, то есть присущими только данной территории. С 1958 года их промысел запрещен.

³⁰ *Путина* – время массовой миграции рыбы. Ловля тихоокеанских лососей (кеты, горбуши, кижуча и чавычи) является основой амурского рыболовства.

стани причалил идущий вверх по реке почтово-пассажирский пароход «Вера», принадлежащий Компании амурского пароходства.

Пока кули грузили дрова, путешественники, приглашенные капитаном на чашку чая «с огоньком», как называл капитан добавку арака³¹ к чаю, вошли на палубу парохода.

Все пассажиры первого и второго класса столпились у борта. Среди них были богатые купцы из Сретенска и Нерчинска; военные, едущие в отпуск; простые казаки; православный священник с длинной седой бородой, который воспользовался случаем и стал собирать пожертвования на свою церковь; жены офицеров из Владивостока, едущие в Нерчинск; несколько бурятов и группа эвенков и удэгейцев.

Все они с любопытством смотрели на лагерь звероловов и, когда те появились на палубе, окружили их плотным кольцом. Посыпались приветствия и вопросы. Томек стал оживленно беседовать с купцом из Нерчинска, но Вильмовский шепнул ему, чтобы он ни о чем не спрашивал. Сыщик Павлов внимательно прислушивался, и каждое неосторожно сказанное слово могло возбудить у него подозрения. Капитан Крамер, немец по происхождению, сам того не зная, избавил охотников от настойчивой толпы, пригласив их в свою каюту. Они уселись за продолговатым столом, на котором сразу же появились две бутылки арака и пышущий жаром

³¹ *Арак* – крепкий алкогольный напиток, ароматизированный анисом; распространен в странах Центральной Азии.

самовар.

После первого знакомства Крамер спросил Вильмовского, почему экспедиция остановилась в столь пустынном месте. Услышав ответ, он хлопнул рукой по колену и сказал:

– Ваше счастье, господа! На рассвете я обогнал буксир «Сунгач» с двумя баржами. У капитана «Сунгача» настроение неважное, потому что по распоряжению купца Нашкина он едет в Сретенск за мехами почти порожняком, лишь с мелким грузом рыбных консервов.

Как только Крамер упомянул фамилию Нашкина, заинтересованные звероловы обменялись друг с другом многозначительными взглядами. Хитрый боцман, чтобы отвлечь внимание Павлова от беседы, что-то шепнул ему на ухо. Павлов повеселел и согласно кивнул, тогда боцман наполнил свой стакан и стакан Павлова чистым араком. Вильмовский это сразу заметил и, воспользовавшись тем, что занятые собой боцман и Павлов стали чокаться стаканами, сказал:

– Это в самом деле было бы для нас счастливое стечение обстоятельств. Лишь бы только капитан «Сунгача» согласился взять нас на борт.

– Согласится, я уверен, – ответил Крамер с иронической улыбкой. – Такие, как он, умеют ждать и никогда не спешат. Это бывший каторжник!

– Спасибо за ваши сведения, – сказал Вильмовский. – Мне будет легче разговаривать с ним.

– Он согласится, ему необходимы деньги, – продолжал

Крамер. – В Сибири никто не отталкивает руку с государственными кредитными билетами. Мы в стране, где все возможно и где расцветает... взяточничество. Не подмажешь – не поедешь!

Вильмовский молчал, а вместо него в беседу вмешался Смуга:

– Еще во Владивостоке мне приходилось слышать о Нашкине. Если не ошибаюсь, он торгует мехами. Однако мне говорили, что он живет в Нерчинске.

– Верно, вам сказали правду, Нашкин живет в Нерчинске, притом в великолепнейшем дворце, который он купил у Бутина после банкротства его золотых россыпей. Нашкин – могущественнейший финансовый воротила Сибири, – пояснил Крамер. – Фактории Нашкина разбросаны по всей Восточной Сибири. У него есть отделение также и в Сретенске, откуда начинается навигация по Амуру.

– Ну и черт с ним, с этим Нашкиным! Ваше здоровье, господин капитан, – сказал Смуга, поднимая свой стакан.

– За здоровье дорогих гостей! – воскликнул Крамер.

Вскоре обе бутылки арака опустели. Китайцы погрузили дрова. Крамер неохотно прощался со звероловами, говоря им, что служба не дружба, особенно на почтовом пароходе.

– Другое дело такой «Сунгач», – сказал капитан, горячо пожимая руки боцману, которого он считал настоящим немцем. – Капитан «Сунгача» может ждать вас день, два и даже целую неделю, если только ему за это заплатить. Ну, желаю

вам успешной охоты!

Гости сошли на пристань. «Вера», протяжно гудя, отчалила и, выбрасывая из пароходной трубы искры, вскоре исчезла за поворотом реки. Воспользовавшись тем, что Павлов заинтересовался китайцами, звероловы отошли в сторону, чтобы поговорить на свободе.

— Глупый немец дал нам важные сведения, — начал разговор боцман. — У меня даже дух захватило, когда он упомянул о Нашкине.

— Жаль, что мы не могли подробнее его расспросить, — вмешался Томек. — Если говорить правду, у меня уже чесался язык...

— Жалеть нечего, — заметил Смуга. — У Нашкина, конечно, много работников. Я сомневаюсь, интересовал ли Крамера ссыльный, который, наверное, не получил никакой важной должности.

— Ты прав, Ян, — сказал Вильмовский. — С каким же презрением он говорил о капитане «Сунгача» как о бывшем каторжнике!

— Возможно, у капитана мы узнаем больше, — сказал Томек.

— Не советую касаться того, что нас интересует, — сказал Смуга. — Мы доподлинно знаем, что Нашкин живет в Нерчинске. Это весьма важное известие. Мы все глубже и глубже лезем в волчью пасть. Один не слишком продуманный ход или даже слово могут повлечь за собой наше поражение.

– Я с тобой полностью согласен, Ян. Ты начальник экспедиции, остальные пусть прислушиваются и... молчат, – твердо заявил Вильмовский.

– Согласен, вполне согласен, – подтвердил боцман. – На пароходе я не вмешивался в разговор с этим немцем, а только занялся сыщиком, чтобы он вам не мешал.

– Должен признать, боцман, что вы, несмотря на свой темперамент, ведете себя почти образцово, – похвалил Смуга. – Ну а если бы вы перестали подтрунивать над Павловым, было бы совсем хорошо.

– Иной раз я сам себе прикусываю язык, но это очень сложный вопрос, потому что у меня руки чешутся, стоит только увидеть этого негодяя. Он не одного из наших уже выдал! Забавно, что его лисья морда кажется мне почему-то удивительно знакомой... Видимо, все сыщики похожи друг на друга, а я на своем веку порядком на них насмотрелся.

Вильмовский внимательно глянул на моряка, задумался и нахмурил брови, но не сказал ни слова. Ему тоже показалось, что он откуда-то знает сыщика.

Спустя два часа к пристани подошел пассажирско-грузовой пароход «Онон». Как и раньше, китайцы быстро погрузили дрова, и «Онон» отправился вниз по реке.

Звероловы напрасно поджидали прибытия «Сунгача». Спустилась ночь. Кули наловили рыб, поджарили их на кострах, съели, искупались в реке и исчезли на ночь в шалашах. На страже остались только два старика.

На рассвете сторожа разбудили путешественников. К пристани подходил «Сунгач». Наскоро одевшись, звероловы выбежали на берег.

Вверх по реке шел старый двухмачтовый буксир американского типа с длинной и высокой надстройкой, возвышавшейся над палубой. Буксир тянул за собой две баржи, соединенные друг с другом бортами. Вблизи пристани буксир уменьшил скорость, чтобы ослабить канат, после чего отцепил баржи.

Освобожденные баржи сначала остановились на середине реки, потом двинулись вниз по течению, но «Сунгач» на всех парах ловко догнал их и пристал к баржам левым бортом. С барж на буксир перешли люди. Через минуту «Сунгач» с баржами у борта пристал к берегу.

Глазами знатока боцман наблюдал за ловкими маневрами буксира и одобрительно кивал.

– Молодец капитан, славно действует, особенно если учесть, что он бывший каторжник! – похвалил боцман. – Но Крамер не солгал, потому что, если судить по осадке, обе баржи идут порожняком.

– Тем лучше для нас, – вмешался Вильмовский. – Ян, пожалуйста, вести переговоры с капитаном следует тебе.

– Хорошо, я поговорю с ним, – согласился Смуга.

Тем временем буксир медленно подходил к пристани. По-

луобнаженные матросы бросили швартовы³². Кули ловко набросили их на рымы³³. В окне капитанской рубки показалось лицо рыжебородого человека. Он с трудом протиснул широкие плечи в иллюминатор и оперся локтями о подоконник.

Кули на русско-китайском жаргоне хором его приветствовали. Капитан важно кивнул им головой.

– Ну как, ребята, дрова готовы? Можете начать погрузку? – спросил капитан по-русски.

– Уже, капитан, уже! – хором ответили кули.

– Ну так беритесь за работу! – воскликнул капитан, мягко улыбаясь китайцам.

Смуга сошел на платформу пристани и снял кожаную шапку, обшитую по околышку мехом.

– Здравствуйте, господин капитан, можно ли с вами поговорить насчет одного дела? – спросил он.

Небрежным движением капитан поднял правую руку к козырьку клеенчатой фуражки, внимательным взглядом окинул Смугу, осмотрел группу мужчин, стоявших вблизи. После довольно длительной паузы он ответил:

– Только у вас ко мне дело или у этих господ тоже?

– Дело касается нас всех, – ответил Смуга.

– Хорошо, я сейчас сойду к вам.

Капитан исчез, но тут же его огромная фигура показалась на сходнях. Он медленно сошел на палубу, а потом неожи-

³² *Швартовы* – канаты с петлей на конце, которые крепятся на судне к кнехтам.

³³ *Рымы*, или палы, – столбы, к которым на суше крепятся швартовы.

данным, ловким прыжком перескочил через борт судна и очутился на пристани.

– Слушаю вас, – обратился он к Смуге.

Смуга повел его к друзьям.

– Познакомьтесь, это господин Броун, английский подданный, препаратор чучел животных, – говорил он, показывая на Вильмовского. – Наш юный друг, Томаш Вильмовский, путешественник и зверолов, а это господин Броль из Германии, укротитель животных. Мы участники охотничьей экспедиции, организованной фирмой Гагенбека. Кроме нас, в экспедиции участвуют стрелок из Индии, господин Удаджалак, четыре следопыта-гольда и... еще один господин... господин Павлов, приставленный к нам в качестве наблюдателя хабаровским исправником.

– Очень приятно познакомиться с таким международным обществом, – ответил капитан, не называя своей фамилии. – Чем могу служить?

– Мы хотели бы нанять ваше судно для перевозки экспедиции в район Благовещенска, где мы собираемся заняться ловлей местных птиц.

– Гм, неудобный груз... Тигры, лошади, собаки, телеги, люди и... господин Павлов, – громко перечислял капитан, рассматривая лагерь путешественников.

– Мы сделаем все возможное для того, чтобы не причинить вам лишних хлопот, – вмешался Вильмовский.

– К сожалению, я не смогу разместить вас всех в каютах

«Сунгача», – сказал капитан.

– Нам это нисколько не мешает, ведь и без того часть наших людей должна находиться на баржах рядом с животными, – любезно добавил Смуга.

– Гм, мне необходимо обдумать ваше предложение, – с явной неохотой в голосе ответил капитан.

Потерявший терпение боцман подошел к Смуге и довольно громко сказал по-польски:

– Если бы на моей калоше появился такой спесивец, то он в три мига очутился бы за бортом. Предложите ему монету, он сразу же станет мягче!

– Не мешайте, боцман, – шепнул Вильмовский.

Капитан «Сунгача» стоял, задумавшись, слегка склонив голову на грудь. Вдруг он заглянул боцману прямо в глаза, подошел к нему так близко, что грудью коснулся груди боцмана.

– Это что, в Германии такие обычаи, что боцманы бросают за борт капитанов? – вызывающе спросил капитан тоже на польском языке. – Со мной не так-то легко справиться!

– Не вводи меня во искушение, браток, – проворчал боцман прямо в лицо капитану.

Тот расхохотался и воскликнул:

– Ну наконец мы договорились! Немец и англичанин говорят по-польски. Очень интересное общество. Не удивляюсь, что исправник включил в его состав своего шпика! Однако, если господин Броль, укротитель животных, он же боцман, хочет выбросить меня за борт, я готов предоставить ему для этого случай. Грузите, господа, свой табор на баржи. Раз вы поляки, то мы как-нибудь потеснимся, а ваши паспорта меня мало интересуют. Насчет денег поговорим позже!

– Спасибо вам, господин... извините, я недослышал вашу фамилию, – сказал Смуга, придержав капитана за руку.

Капитан помрачнел, прищурил глаза и вызывающе ответил:

– Анастасий Петрович Некрасов, к вашим услугам, бывший матрос Балтийского флота, приговоренный к пятнадцати годам каторги за контрабандную перевозку нелегальных листовок в Петербург. Нужны ли вам еще какие-нибудь рекомендации? На каторге в Каре я сидел вместе с Коном, Рехневским, Маньковским, Дулембой и Лурией³⁴.

³⁴ В 1873 году на берегу реки Кары, близ нерчинских серебряных рудников, была построена тюрьма, где отбывали наказание политические преступники, приговоренные к каторжным работам. Среди заключенных были представители всех национальностей царской России. Первыми поляками, приговоренными к каторге за социалистическую деятельность, были члены партии «Пролетариат» Феликс

– Нам не нужны рекомендации, капитан! Неужели вы на каторге научились так хорошо говорить по-польски? – спокойно спросил Вильмовский.

– Нет, этот язык был мне знаком и раньше, – ответил капитан и, словно внезапно забыв польский, начал по-русски обсуждать подробности погрузки имущества экспедиции на баржи.

К группе беседующих мужчин подошли нанайцы, а потом из палатки показался Павлов. Некрасов приветствовал его, приложив ладонь к козырьку фуражки, как видно не заметив протянутой ему руки, потому что повернулся лицом к реке и пригласил звероловов осмотреть судно.

VI

По Амуру на пароходе

Во время плавания на пароходе по Амуру звероловы мало видели капитана «Сунгача». Дни стояли погожие и теплые. Благодаря этому путешественники большую часть дня могли проводить под открытым небом на баржах, рядом с животными. Только во время обеда все сходились в кают-компанию, но тогда в основном вели вежливые разговоры на русском языке.

Некрасов держал себя со звероловами любезно, но несколько свысока. Не навязывал пассажирам беседу, никого ни о чем не спрашивал. Явное пренебрежение он проявлял только по отношению к Павлову. Если капитану не удавалось миновать его, он бросал на агента холодные взгляды.

Звероловы наблюдали за капитаном. Все говорило о том, что это был революционер, закаленный в борьбе с царизмом. Своим поведением он пробуждал доверие; даже Нучи, который презирал Павлова, о Некрасове говорил: «Капитан хороший глаз, свой человек».

Сдержанность Некрасова была звероловам на руку. Находясь в другом положении, они, конечно, постарались бы познакомиться с ним поближе, но в этом рискованном путешествии предпочитали избегать близкого общения с лица-

ми, подозрительными для полиции. Ведь Павлов непрестанно следил за капитаном, откровенно подслушивал его разговоры. По приказанию Смуги верный Удаджалак продолжал наблюдать за каждым шагом шпика, поэтому звероловы могли не опасаться сюрпризов с его стороны.

«Сунгач» медленно шел вверх по реке. Вода стояла довольно высоко, как это всегда бывает в этих местах в период муссонных дождей. Берега становились все круче и круче, пока наконец каменные вершины гор совсем не закрыли горизонт. Как раз в этом месте Амур прорывался через Буринский хребет.

Буксир вошел в извилистый рукав. Течение становилось сильнее. Грозные и одновременно живописные скалы иногда вырастали прямо по курсу судна, но «Сунгач», направляемый опытной рукой, избегал опасных встреч с ними.

У руля на капитанском мостике стоял сам капитан Некрасов. Он спокойно смотрел на крутые, покрытые лесом берега, словно видел их впервые. В уголке рта у него торчала погасшая трубка. Звероловы тоже не уходили с палубы: они были очарованы Сибирью, хотя раньше само это название вызывало у них чувство безграничного ужаса.

Прорвавшись через горный хребет, река стала шире, расширилась и ее пойма. Отдельные горные цепи отступили от реки, а прибрежные скалы, время от времени встречавшиеся по пути, напоминали развалины древних замков. Течение успокоилось, прозрачная как слеза вода становилась мутной

в устьях притоков, которые несли с собой большое количество ила. Видимо, поэтому Амур на таких участках назывался Черной рекой.

Время шло... Буксир, пыхтя, поднимался вверх по реке. Однообразная равнина, кое-где украшенная елями или карликовыми соснами, указывала на близость Благовещенска. Этот город был центром Амурской области, управляемой вице-губернатором, в канцелярии которого путешественники должны были оформить документы на право пребывания в Сибири. Для этого капитан Некрасов по просьбе Смуги согласился на некоторое время остановиться в Благовещенске.

Когда до города оставалось не больше суток пути, охотники решили устроить небольшой прием в честь капитана. Некрасов не только дал свое согласие, но и отрядил им в распоряжение своего повара. Само собой разумеется, что боцман, прославившийся известным гурманом, взял подготовку к предстоящему пиру в свои руки. С самого утра он шарил во выюках и около полудня явился на кухню с целой корзиной различных продуктов. Из других путешественников один только Томек, пользовавшийся специальными приви-

легиями у боцмана, был допущен к тайнам готовившихся яств.

Когда наступил вечер, капитан поставил судно на якорь вблизи берега. Весь экипаж и пассажиры собрались в кают-компании. Некрасов не жалел сил, чтобы создать у гостей приятное настроение, но все его старания оказались напрасными. Хитрое выражение лица Павлова, бегающие, беспокойные глаза которого исподлобья следили за присутствующими, отбивало у гостей настроение и аппетит.

Не в своей тарелке был и боцман. Он целый день старался достичь вершин кулинарного искусства, но все его труды не приносили желаемого результата. Званный обед больше напоминал поминки, чем веселый пир. Кроме того, по странному стечению обстоятельств Некрасов посадил Павлова рядом с боцманом. Правда, по другую сторону моряка сидел Томек, но все равно свободно беседовать они не могли, а только изредка обменивались многозначительными взглядами и, подобно другим гостям, время от времени бросали какое-нибудь ничего не значащее слово.

Томек скучал, хотя до этого он с большой радостью ожидал вечернего пира. Юноша надеялся, что в непринужденной обстановке ему удастся спокойно поговорить с Некрасовым, а все оказалось не так... Таким образом, как только обед подошел к концу, экипаж «Сунгача», нанайцы и Удаджалак с удовольствием покинули кают-компанию и вышли на палубу.

– По крайней мере, они смогут свободно поговорить, – буркнул боцман, обращаясь к Томеку.

Томек кивнул. Он хмурился и о чем-то сосредоточенно думал, потом незаметно подтолкнул друга локтем и шепнул:

– Почаще наполняйте рюмку Павлова!

– Да ты с ума сошел?! Водки на него жалко, – возмутился боцман.

– Дайте ему ее досыта, и он уйдет отсюда!

– Не такой он дурак! Он только губы смачивает водкой...

– Надо заставить его напиться. Послушайте... – наклонился Томек к боцману, который сначала покраснел от возмущения, а потом вдруг повеселел и кивнул в знак согласия.

Боцман громко кашлянул. Все с интересом посмотрели в его сторону.

– Мы вот сидим, повесив нос, словно неприкаянные... – начал он.

Павлов привстал так резко, что чуть не сбросил на пол тарелку. Сыщик впился глазами в губы боцмана, чтобы не пропустить ни одного слова. На лицах Смуги и Вильмовского отразилось явное беспокойство, а удивленный Некрасов неуверенно посмотрел на боцмана.

– Что ж, уважаемые господа, мы нагрешили довольно, но лучше признать свою вину и... исправить ошибку, – торжественно продолжал моряк.

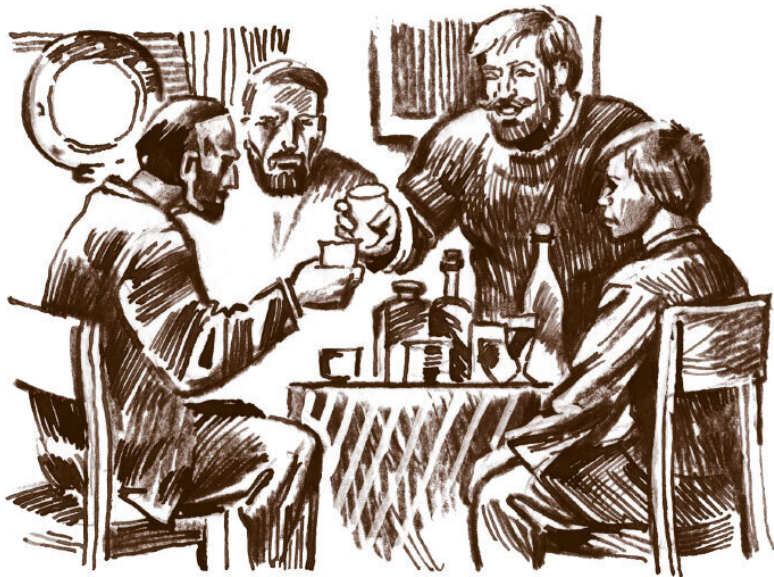
– Напился первый раз в жизни, – недовольно шепнул Вильмовский.

– Нет, скорее, с ума сошел, – прошипел Смуга.

Только Томек спокойно слушал речь своего друга, искоса поглядывая на присутствующих. А боцман продолжал:

– Да-да, мы забыли, что надо отдавать Богу Богово, а кесарю – кесарево! Мы должны немедленно исправить допущенную нами ошибку! Я первый провозглашаю тост за здоровье его императорского величества самодержца Всероссийского Николая Второго!

Если бы над пароходом неожиданно-негаданно разразился гром, то он не произвел бы столь ошеломляющего впечатления, как тост, произнесенный боцманом. Вильмовский побледнел от гнева. Некрасов презрительно пожал плечами, а Павлов испугался не на шутку, считая, что немец поймал его на значительном упущении. Возмущенный в первый момент, Смуга искоса посмотрел на Томека. Заметил искорки смеха, притаившиеся в его глазах, и сразу все понял.

Боцман встал, взяв в руки графин. Наполнил рюмки. Наклонившись над столом у места, где сидел Павлов, задержал руку на полпути и сказал:

– Собственно говоря, вы, господин Павлов, виноваты больше всех, потому что вы человек казенный.

Павлов сгорбился, его лицо посерело, а боцман, обрадовавшись, что привел полицейского агента в смущение, продолжал:

– Виноваты вы больше, чем мы, гражданские, но не печальтесь. Мы восполним это достойное сожаления упущение

большей порцией.

Говоря это, он отставил в сторону рюмки Павлова и свою, а на их место поставил стаканы и наполнил их до краев.

– Пьем до дна! – воскликнул он.

Павлов вскочил на ноги и, стоя навытяжку, выпил водку.

Но как только он сел, безжалостный боцман начал опять:

– Мы не имеем права обижать и высокочтимую супругу царя, ее величество императрицу. Наливайте, господин Павлов!

Потом пришла очередь выпить за здоровье всех царских детей, родителей императора, родителей императрицы, пока Павлов, чокаясь с боцманом стаканами после каждого тоста, не опустился бессильно в кресло. Посмотрев на него критически, боцман еще раз наполнил стаканы и воскликнул:

– Господин Павлов, за здоровье вашего начальника, его высокопревосходительства министра внутренних дел!

Павлов еле стоял на ногах, покачиваясь из стороны в сторону, и что-то бормотал себе под нос.

Боцман крепко встряхнул сыщика.

– За здоровье министра полиции, слышишь?! – крикнул он.

Павлов сел в кресло. И, свесив голову на грудь, заснул.

Боцман захохотал:

– Вот и прикончила его царская семейка! Даже про своего министра забыл! Как пить дать пожалуюсь на него в Благовещенске губернатору. Но раз эта мразь спит, то я позволю

себе изменить тост. Да здравствует революция!

Все встали и выпили до дна. Боцман удобно расположился в кресле, набил табаком трубку и обратился к Некрасову:

– Завершите мою работу, прикажите вашим людям вынести этого пьяницу! До утра он мешать нам не будет!

– Ах, чтоб вас черт подрал, медведь вы такой! – до слез смеялся Некрасов. – Идите ко мне, дайте я вас обниму! Мне всегда казалось, что у меня голова крепкая, но с вами я тягаться не могу!

– Э, что там, это мелочь. Пускай Томек расскажет, как я во время последней экспедиции играл на полные рюмки с китайским купцом из Хотана³⁵. Вот у того была крепкая голова!

– Сейчас мы спокойно побеседуем, – продолжал смеяться Некрасов. Выглянув в иллюминатор, он хлопнул в ладоши и позвал: – Эй, Иван, зайди-ка сюда на минутку!

В кают-компанию заглянул матрос.

– Убери-ка куда-нибудь этого господина! Пусть спокойно спит до утра и не портит нам настроения, – приказал капитан.

Взвалив Павлова на плечи, Иван исчез с ним так же тихо, как и появился.

³⁵ Игра заключалась в том, что один участник показывал сжатый кулак и готовился разжать его, выставив несколько пальцев. Второй участник должен был безошибочно сказать, сколько пальцев покажет противник. Если он угадал, то противник должен был выпить столько рюмок водки, сколько он показал пальцев. Если ошибался, то должен был сам выпить такое же количество рюмок.

Потекла свободная беседа. Некрасов очень интересовался приключениями, о которых рассказывали гости, и внимательно слушал, забрасывая их все новыми вопросами. У боцмана прямо-таки не закрывался рот. Он умел рассказывать интересно и с юмором. Вот он отставил в буфет третью опорожненную бутылку из-под рома и, беря с полки новую, обратился к Некрасову:

– Сто китов вам в бок, капитан! По всему видно, что вы любите настоящие приключения. Так на кой же, извините, ляд после выхода из тюрьмы вы очутились на этом буксире, вместо того чтобы отправиться отсюда куда-нибудь подальше, в широкий мир?

– Вы не первый, кто задает мне этот вопрос, – ответил Некрасов, печально улыбаясь.

Отхлебнув из бокала глоток рома, капитан затянулся трубкой и стал говорить словно про себя:

– Тогда еще не было Сибирской железной дороги. Я в числе других арестантов пешком перешел через Урал. Закованный в кандалы и с выбритой половиной головы. Трудно вообразить, что происходило в душе несчастных арестантов, которых гнали в Сибирь, когда они увидели пограничный столб, на одной стороне которого виднелся герб европейской Пермской губернии, а на другой – азиатской Тобольской. Некоторые из арестантов плакали, другие целовали родную землю, прощаясь с ней, или собирали ее в мешочек, который прятали на груди.

Я не жаловался на судьбу. Я был готов ко всему. Прочел подписи на пограничном столбе. Нашел среди них знакомые фамилии. По команде «Стройся!» поднял мешок с вещами и, не оглядываясь, пошел вперед – навстречу судьбе.

Мне пришлось близко познакомиться с этапными тюрьмами, постоянно переполненными арестантами, с деревянными нарами, кишевшими насекомыми. Время от времени менялись солдаты конвоя, среди которых бывали службисты, а бывали и такие, которых можно было подкупить, а мы все шли и шли на восток. Так продолжалось многие месяцы. Измученные, исхудалые, мы шли через деревни и города... Знаете ли вы причитания, которые поют арестанты, осужденные за уголовные преступления, когда проходят через населенный пункт? – спросил Некрасов. И, не дожидаясь ответа, он затянул нараспев:

– Пожалейте, отцы-благодетели!
Пожалейте усталых путников!
Арестантов несчастных вспомните!
Накормите, отцы-благодетели!..

Лицо Некрасова потемнело от печальных воспоминаний, он на минуту умолк. Потом продолжил:

– Тот, кто не слышал этой песни, которую не то поют, не то читают сотни голосов под аккомпанемент зловещего звона кандалов, никогда не поймет ужасного нищенского существования, которое влачат несчастные арестанты.

Многие из них во время долгого путешествия, прерываемого «отдыхом» в этапных тюрьмах, заболели и умирали. С нами шли также арестантки и жены некоторых ссыльных, добровольно следовавшие за своими мужьями.

В конце концов мы пришли в Кару. Я уже вам говорил, что там мне пришлось встретиться с несколькими поляками. Я был искренне восхищен ими. С первого дня ссылки они думали над возможностью побега и возвращения на родину. Они принимали участие во всех протестах, голодовках, бунтах, совершали побеги, хотя за это грозило суровое наказание, даже смерть. Бунтарь по характеру, я чувствовал в них братские души. Мы очень уважали польских товарищей по несчастью. Поэтому среди песен разных народов, которые пели арестанты, было много польских. Некоторые из них были переведены на русский язык.

Некрасов замолчал, несколько раз затянулся табачным дымом. Воспользовавшись этим, Томек спросил:

– Может быть, вы помните какую-нибудь из польских песен?

Капитан согласно кивнул.

– Я вас прошу, спойте нам одну из них, – прошептал Томек, глубоко взволнованный рассказом капитана.

Некрасов снял со стены висевшую гитару, сел в кресло, ударил по струнам...

Над тихой, сияющей лунным серебром маньчжурской степью поплыли звуки песни, неразрывно связанной с трагической историей польского народа:

– Боже, что Польшу родимую нашу
Холил, лелеял столь долгие годы,
Ныне к Тебе мы возносим моление:
Дай нам свободу, пошли избавленье...

Когда капитан замолчал, воцарилась тишина, которая была красноречивее всяких слов...

– Значит, вы и эту нашу песню... пели в Каре? – шепнул боцман, вытирая глаза носовым платком.

– Пели. Нам особенно нравились песни, в которых выражалась тоска по свободе, ну и конечно революционные. Многие из нас готовили побег и бунт, и знаете, кого мы брали за образец? Вашего земляка Бенеvского³⁶, бывшего участника Барской конфедерации!

– Неужели?! Ведь наш Бенеvский бежал отсюда больше ста лет назад! – удивился боцман.

– Да, вы правы, но его бегство, получившее тогда известность во всем мире, особенно поразило умы ссыльных в Сибири. Многие из них стремились ему подражать. Когда в отчаянных головах зарождались фантастические планы бунта, они часто вспоминали Бенеvского.

³⁶ *Мориц (Мауриций) Август Бенеvский* (1746–1786) – венгерско-словацкий авантюрист, путешественник, участник Барской конфедерации. В бою под Краковом (1769) попал в русский плен, был сослан на Камчатку. Из ссылки бежал, захватив со своими сообщниками корабль «Св. Петр». Пережил множество приключений, погиб в перестрелке с французскими войсками на Мадагаскаре. Мемуары Бенеvского послужили основой для нескольких романов, поэм и оперы.

– Действительно, у Беневого была голова на плечах. Он здорово надул своих преследователей, – сказал боцман. – Это верно, что такие истории укрепляют мужество человека.

– В Англии я читал записки Беневого, но очень хотел бы еще раз услышать от вас подробности его побега, – попросил Томек. – Я очень люблю такие рассказы...

– Я поддерживаю просьбу Томека, – горячо сказал боцман. – Прополоскайте-ка горло, а мы слушаем!

Боцман наполнил ромом стакан Некрасова. Капитана не надо было долго упрашивать; он закурил трубку и начал рассказ:

– Попав в плен, Бенево сразу же задумал побег. Как только его привезли в Казань, он связался с местными татарами и находившимися там польскими ссыльными, с помощью которых хотел поднять вооруженное восстание и облегчить себе побег. Но кто-то выдал заговор. К счастью, Бенево вовремя сбежал в Петербург. Там он разработал новый план побега, на этот раз на голландском корабле. И опять ему это не удалось из-за предательства капитана корабля. Обер-полицмейстер Чичерин арестовал Беневого. Его посадили в крепость и отдали под суд. Как опасного политического преступника его приговорили к ссылке в Усть-Большерецк на Камчатке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.